

W 31
221

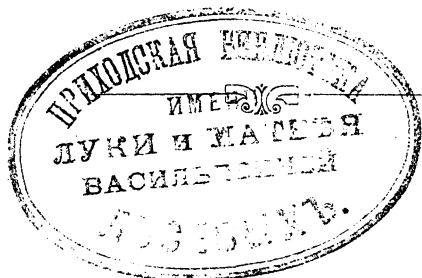
Издание Д. И. Тимковскаго.

ДЛЯ ШКОЛЬ и НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

Очеркъ Я. Семенова.

Подъ редакціей Н. Н. ХАРУЗИНА.

Москва.

Типографія О. Л. Сомоной, Бол. Никитская, д. де-Норманъ.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 5 января 1900 г.

2004175447

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

I. Очеркъ страны.

По ту сторону Каспійскаго моря, въ Азiи, находится Аральское море, которое много меньше Каспiя. Въ него впадаютъ двѣ большiя рѣки: на сѣверо-востокѣ Сыр-дарья, на югѣ Аму-дарья*).

Эти многоводныя и широкiя рѣки — по длинѣ немного меньше нашей Волги — берутъ начало съ высокiхъ горъ въ центрѣ Азiи, на границахъ съ Китаемъ. Тѣ горы, съ которыхъ течетъ Сыр-дарья, называются Тянь-Шань, или Небесныя горы, а та горная область, откуда беретъ начало Аму-дарья, называется Памирь.

Протекая первое время горными мѣстностями, Сырь и Аму потомъ выбиваются на просторъ необъятныхъ степей и текутъ по нимъ все время, до самаго впаденiя своего въ Аральское море.

Обширное пространство земель, орошаемыхъ этими рѣками, носитъ одно общее названiе «Средней Азiи».

*) Д а р я значить — рѣка.

Эта страна раздѣляется на нѣсколько обширныхъ областей. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ ея лежитъ Сыръ-дарьинская область; на востокѣ и на границахъ съ Китаемъ находится область Ферганская, съ запада къ ней примыкаетъ и тянется по юго-востоку Средней Азіи Бухарское ханство, которое отдѣляется рѣкою Аму отъ Афганистана; на западѣ, начинаясь отъ Бухарскихъ владѣній, находится Закаспійская область, которая на югѣ граничитъ частью съ Афганистаномъ, частью съ Персією и доходитъ до Каспійскаго моря, на сѣверо-востокѣ же прилегаетъ къ Хивинскому ханству, расположенному у устьевъ Аму-дарьи; въ самомъ центрѣ Средней Азіи, между областями Ферганскою, Сыръ-дарьинскою и Бухарскимъ ханствомъ, лежитъ Самаркандская область.

Поверхность Средней Азіи неодинакова. Востокъ и юго-востокъ ея заняты горными странами, все же остальное пространство на сѣверѣ, югѣ и западѣ—покрываетъ громадная площадь равнинъ. Эти равнины раскинулись по берегамъ Сыра и Аму вплоть до Аральскаго моря и ушли далеко за Аму-дарью, придвинувшись къ персидской границѣ и Каспійскому морю. На ихъ широкомъ просторѣ встрѣчаются песчанья степи съ травою, озерами, болотами и пересыхающими на лѣто ручьями, безводныя и голыя пустыни и такъ называемые «оазисы»—плодородныя, прекрасно воздѣланныя земли. Наибольшее пространство песчаныхъ степей сосредоточено на сѣверѣ Средней Азіи, именно: по берегамъ Сыръ-дарьи и почти на всемъ громадномъ

междурѣчья Сыра и Аму. Эти степи начинаются у подножія лѣсистыхъ скатовъ Тянь-Шаня и тянутся съ небольшими перерывами чрезъ всю сѣверную часть Средней Азіи, переходя за рѣку Уралъ во внутренность Россіи; на югѣ онѣ доходятъ до р. Аму, гдѣ встрѣчаются съ оазисами, которые въ изобиліи разбросаны по берегамъ этой рѣки. Миновавъ ихъ, степи продолжаются дальше на югъ отъ Аму-дарьи, къ Персіи и Каспію. Среди приамударьинскихъ песчаныхъ равнинъ также встрѣчаются цвѣтушія пространства оазисовъ.

Почти вездѣ степи представляются открытымъ голымъ пространствомъ, гдѣ все видно какъ на ладони. Однако большинство степей только кажется такими ровными и гладкими, на самомъ же дѣлѣ ихъ поверхность часто бываетъ или волнообразна, или покрыта небольшими холмиками. Но такъ какъ вся песчаная равнина слишкомъ однообразна, то общій желтый цвѣтъ песковъ мѣшаетъ глазу различить всѣ эти неровности и всю волнистость почвы, и путникъ, первый разъ попавшій въ степи, бываетъ не мало удивленъ, когда видитъ, какъ лошади, всадники и даже цѣлые караваны верблюдовъ вдругъ пропадаютъ, словно проваливаются сквозь землю,—на самомъ же дѣлѣ они спустились въ какую-либо лощину или скрылись за однимъ изъ холмовъ. Въ степяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ предметовъ сравненія—ни домовъ, ни деревьевъ,—зритель не можетъ отдать себѣ отчета о размѣрахъ всѣхъ возвышеній и углубленій почвы, почему замѣчается слѣдующее любопытное явленіе: какой-

нибудь небольшой пригорокъ, сажень въ 20 — 30 вышиною, кажется издали громадною горою, крутой обрывистый оврагъ принимаетъ видъ страшныхъ утесовъ морского берега. Утромъ эта измѣнчивость предметовъ еще болѣе увеличивается: орель, стоящій на землѣ, кажется величиною съ верблюда, небольшой кустъ травы принимаетъ видъ дерева.

Совершенно однообразную картину представляютъ средне-азиатскія равнины зимою, когда онѣ сплошь покрываются снѣгомъ; по временамъ этотъ снѣгъ поднимаютъ и кружатъ жестокія вьюги и метели, бушующія на широкомъ просторѣ степей. Степные ураганы бываютъ такъ сильны, что заметаютъ сугробами жилища степняковъ и истребляютъ стада скота, который находится здѣсь круглый годъ на подножномъ корму.

Разнообразіе степей обнаруживается въ первые дни весны, тотчасъ послѣ того, какъ разлившіяся рѣки и озера войдутъ въ берега, и кочевники выжгутъ сухую траву на пастбищахъ. Степь оживаетъ. Начинается короткое, но очень быстрое время цвѣтенія травъ. Молодые растенія всходятъ и развиваются въ нѣсколько дней; доселѣ голыя равнины покрываются цѣлымъ моремъ разнообразной зелени и цвѣтовъ. Табуны лошадей и верблюдовъ, стада крупнаго и мелкаго скота привольно пасутся на громадномъ просторѣ травянистыхъ пастбищъ. Въ воздухѣ, не смолкая, гремятъ птичьи хоры; степные коршуны, ястреба и орлы парятъ въ выси голубого неба, высматривая себѣ добычу.

Но это богатство и блескъ степной весны про-

должаются недолго. Подходить лѣто: солнце начинаетъ грѣть все сильнѣе и сильнѣе, дождей совсѣмъ не бываетъ; зной доходитъ до 45°. Молодые ростки травъ и цвѣты не выдерживаютъ страшныхъ жаровъ и засыхаютъ; степь дѣлается сѣрою и пыльною; увядшія травы желтымъ ковромъ покрываютъ печальныя равнины. Пѣніе птицъ и стрекотаніе кузнечиковъ прекращаются, лишь пернатые хищники порою одиноко кружатъ въ воздухѣ. Стада, изнемогая отъ духоты и усталости, лѣниво движутся по степи, подбирая засохшую траву. Въ воздухѣ кружатся облака пыли, поднимаемая вѣтромъ; обломки высохшихъ растений тысячами несутся по степи и, свертываясь вѣтромъ въ шары, эти «степныя бѣгуны» то катятся по землѣ, то гонятся другъ за другомъ, подпрыгивая на нѣсколько аршинъ, словно живыя существа.

Такъ продолжается до осени. Тогда въ теченіе нѣсколькихъ дней дожди оживляютъ растительность, и печальныя равнины снова одѣваются наряднымъ ковромъ зелени,—кажется, что наступила вторая весна. Но пройдегъ недѣли 2—3, и растенія снова увядаютъ, наступаютъ холода и морозы, выпадаетъ снѣгъ и одѣваетъ степи бѣлымъ саваномъ.

Среди громадныхъ пространствъ средне-азіатскихъ степей не мало земли приходится на долю такъ называемыхъ «пустынь».

Пустыни—это обширныя равнины мертвыхъ зыбучихъ песковъ, которые во многихъ мѣстахъ встрѣчаются среди степей подъ различными названіями, напримѣръ: *Красные пески* (между Сыръ-

дарьею и Аму), *Черные пески* (на югъ отъ нижняго теченія Аму-дарьи), *Голодная степь* (на сѣверо-востокъ Сыръ-Дарьинской области) и другія. Въ этихъ пустыняхъ на сотни верстъ кругомъ не встрѣтишь ни травъ, ни воды, ни жилья, кромѣ голыхъ песковъ, на которыхъ мѣстами блестятъ высохшія и соляныя озера—«солончаки». Караванамъ, проходящимъ такими мѣстами, приходится дѣлать много лишнихъ верстъ для того, чтобы найти воду и пастбище. При этомъ путь не считается поверстно, а высчитывается переходами отъ одного колодца до другого; колодцы же почти всегда встрѣчаются другъ отъ друга на разстояніи одного дня пути. Но предусмотрительные путники въ дорогѣ чрезъ пустыню возятъ воду за собой, такъ какъ не въ каждомъ колодцѣ бываетъ вода: не рѣдко онъ или пересыхаетъ или же заносится пескомъ. Здѣсь вода все: безъ нея невозможно ступить ни шагу въ этихъ мертвыхъ пескахъ.

И сколько разъ въ пустыняхъ бывали случаи мучительной ужасной смерти отъ жажды. Случалось, что взятый въ дорогу запасъ воды истощался, и путникъ, собравъ остатокъ силъ, изнемогая отъ истощенія, жары и усталости, тащился по дорогѣ къ ближайшему колодцу; но добравшись до желанной воды, умирающій путникъ съ отчаяніемъ видѣлъ, что колодезь заваленъ гніющими трупами животныхъ. Вода превратилась въ ядъ! Нужно очистить колодезь; вычерпать изъ него воду и ждать цѣлые часы, пока подземныя жилы снова наполнятъ яму водою. Не рѣдко бываетъ, что желан-

ный колодезь оказывается пересохшимъ, копать же новый или итти дальше нѣтъ силъ, и изнемогшій отъ жажды человекъ умираетъ. Кромѣ недостатка воды, въ пустыняхъ приходится считаться еще и съ погодою: лѣтомъ съ сильнѣйшими жарами, а зимою съ ужасными выюгами. Жары и холода доходятъ до крайностей, и тѣ и другіе одинаково невыносимы. Лѣтомъ зной въ пустыняхъ достигаетъ градусовъ до 50—56; яйца, зарытыя въ песокъ, свободно пекутся въ крутую въ нѣсколько минутъ. Путники, проходящіе песками даже послѣ того, какъ дневной жаръ спадетъ, испытываютъ на подошвахъ ощущение обжога; сопровождающіе ихъ собаки не могутъ прилечь отдохнуть иначе, какъ выкапывая себѣ лапами глубокія ямы, чтобы найти на днѣ ихъ болѣе прохладный песокъ. При такой нестерпимой жарѣ не рѣдки песчаныя вихри и ураганы. Это самые опасные враги каравановъ, и послѣдніе, застигнутые ими, чуть ли не всегда обречены на вѣрную гибель: огромныя тучи раскаленного песка, затмевая свѣтъ Божій, несутся на многія версты и, не встрѣчая никакого препятствія, засыпаютъ озера, колодцы и навѣваютъ мѣстами цѣлыя груды песку.

Во время такихъ бурь духота и сушь воздуха невыносимы и вредно отзываются на здоровьѣ человека: кожа дѣлается сухою и черною, губы трескаются до крови, появляется потеря аппетита и полнѣйшій упадокъ силъ, вызывается сильная испарива и разстройство желудка. Какъ силенъ лѣтній зной въ пустыняхъ, такъ жестоки и зимніе

холода, доходящіе здѣсь градусовъ до 45 и больше. Сибѣжныя бураны и метели такъ же, какъ и лѣтомъ, часто свирѣствуютъ въ пустыняхъ и такъ же гибельны, какъ и песчаные.

Скудная растительность средне-азіатскихъ степей и пустынь, которая можетъ выносить всѣ рѣзкости мѣстнаго климата, состоитъ только изъ жалкихъ кустарниковъ и колючихъ растений, да и тѣ попадаются не особенно часто. Почва здѣсь ни достаточно тучна, ни довольно влажна, чтобы на ней могла появиться древесная растительность или чтобы всю весну и лѣто была зелень. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ничего не встрѣчается, кромѣ чернобыльника, растенія черноватаго цвѣта, который покрываетъ большія пространства и придаетъ мѣстности невыразимо печальный, угрюмый видъ; въ другихъ же мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ солончаковыхъ степяхъ не увидишь никакихъ растений, а только красноватая соляная пространства земли. Интересно видѣть, какъ всѣ эти мѣстныя растенія, лишеныя влаги и производительности земли, приспособлены къ условіямъ почвы и климату: чтобы лучше сопротивляться вѣтрамъ, они имѣютъ гибкій стволъ и очень мало листвы; чтобы лѣтніе жары и зимніе холода не вліяли губительно на стволъ и вѣтви, кора у нихъ толстая и твердая, у многихъ листву замѣняютъ жесткіе волосы или колючки. Изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ подобныхъ древовидныхъ растений встрѣчаются два кустарника — саксаулъ и джидда. Оба они низкорослы и невзрачны на видъ, почти совершенно ли-

шены листвы и похожи на зеленѣющіеся пучки прутьевъ.

Животный міръ степей и пустынь такъ же, какъ и растительный, разнообразенъ: змѣи, ящерицы, фаланги и скорпіоны заползаютъ во всѣ трещины почвы. Въ чащахъ камышей и тростниковъ, окаймляющихъ мѣстами низины и болота береговъ рр. Сыра и Аму, особенно у ихъ устьевъ, водятся тигры, барсы, леопарды, волки, лисицы, кабаны олени и всевозможныя водяныя птицы: гуси, утки, журавли, цапли и проч.; въ открытыхъ же равнинахъ могутъ жить только животныя, соединенныя въ стада, которыя въ поискахъ пастбищъ и воды быстро пробѣгаютъ большія пространства степей. Изъ такихъ животныхъ встрѣчаются въ равнинахъ стада дикихъ ословъ и козъ крайне нугливыхъ и потому почти не доступныхъ для охотника.

Двѣ великихъ рѣки Средней Азіи, орощающихъ равнины и горы, Сыръ и Аму, даютъ жизнь тѣмъ мѣстностямъ, которыя близко соприкасаются съ ихъ водами; на плодородныхъ и обильно орошенныхъ земляхъ, будь то горы или равнины, и сосредоточено осѣдлое населеніе страны. Сыръ-дарья зарождается сначала изъ льдовъ и снѣговъ въ видѣ небольшого потока въ самомъ сердцѣ Тянь-Шаня, или Небесныхъ горъ. На пути въ нее вливаются тысячи различныхъ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, которые дѣлаютъ ее могучею рѣкою. Выбравшись въ Ферганскую долину (въ верхнемъ ея теченіи), Сыръ-дарья принимаетъ величественный видъ широкой и многоводной рѣки, хотя не особенно глубокой; въ

этой части своего теченія, въ обширной равнинѣ, окруженной отрогами хребта Тянь-Шаня, воды Сыра приносятъ наибольшую пользу человѣку. Большая часть Ферганы при помощи человѣческаго труда и оросительныхъ каналовъ превращена жителями въ прекрасно воздѣланный цвѣтущій садъ. Эта прекрасно обработанная страна тѣнистыхъ садовъ, плодородныхъ полей и текучихъ водъ—самая плодородная часть на сѣверѣ Средней Азіи; здѣсь ручьи и рѣки, текущія въ Сыръ-дарью, растекаются по безчисленному множеству каналовъ или «арыковъ» съ проточною водою, которые проведены всюду по полямъ. Арыки составляютъ главную принадлежность всѣхъ вообще средне-азіатскихъ оазисовъ,—безъ ихъ благодѣтельнаго орошенія невозможна была бы и осѣдлая земледѣльческая жизнь среди окружающихъ пустынь и песчаныхъ степей, особенно если принять во вниманіе, что дожди въ равнинахъ Средней Азіи довольно рѣдки. Система арычнаго орошенія существовала здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Оросительные каналы во всѣ времена заботливо охранялись жителями отъ засоренія и размывки водою. Умирало одно поколѣніе, наростало другое, и арыки все также старательно чистились, перекапывались, словомъ, тщательно поддерживались аккуратнымъ, неусыпнымъ трудомъ. И этотъ трудъ съ избыткомъ вознаграждаетъ мѣстнаго земледѣльца обильными урожаями, давая ему полную возможность обходиться безъ дождя. Нужно полить поле, туземецъ беретъ лопатку и сбоку каждаго изъ каналовъ разрываетъ насыпь,—воды ары-

ковъ съ разныхъ сторонъ бѣгутъ на поле и заливаютъ его своими мутными струями. Когда видятъ, что земля достаточно напиталась влагою, боковыя отверстія каналовъ засыпаютъ землею, и воды прекращаютъ изливаться на посѣвы (именно, благодаря арыкамъ, Фергана и можетъ представляться такою прекрасно обработанною страню). Климатъ здѣсь неравномѣрный, но болѣе прохладный лѣтомъ, менѣе холодный зимою, нежели въ степяхъ, гдѣ свободно разгуливаютъ жестокия вьюги и метели. Мягкій голубой цвѣтъ воздуха, которымъ подернуты всѣ предметы, отличительный признакъ этой страны. «Въ Ферганѣ, — говоритъ одинъ путешественникъ, — все окрашено въ бирюзовый оттѣнокъ: небо, камни, опереніе вороновъ и черныхъ дроздовъ, и даже стѣны памятниковъ».

Выше по теченію Сыръ-дарьи тянутся песчанья пространства, лишенныя необходимой воды для оплодотворенія ихъ почвы. Населеніе полукочевое и полуосѣдлое встрѣчается по берегамъ рѣки; дальше же отъ береговъ тянутся равнины малоплодородныхъ и непривѣтливыхъ степей и пустынь съ кочевьями различныхъ степныхъ народовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во времена далекой древности и эти дикія и малообитаемая пространства представляли собою плодородный цвѣтущій край. Двѣнадцать тысячъ арыковъ, гласитъ преданіе, распространяли жизнь среди песковъ, но теперь большая часть этихъ древнихъ оросительныхъ каналовъ засорилась или совсѣмъ замечена песками. И тамъ, гдѣ нынѣ растутъ жалкіе кусты саксаула, гдѣ разгуливаютъ

бугры сыпучаго песку, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды старыхъ арыковъ и большихъ городовъ, въ настоящее время представляющихъ груды мусора. Въ этихъ странахъ потокъ воды вызываетъ жизнь среди безплодныхъ пустынь, уничтоженіе же драгоценной влаги обращаетъ города и селенія въ развалины, и изъ прошедшей исторіи Средней Азіи извѣстно, что главною задачею каждаго умнаго азіатскаго властителя было вновь копать и проводить арыки, чтобы этимъ оплодотворить страну. Въ наше время, когда русскіе сдѣлались хозяевами средней Азіи, по почину русскаго правительства подлѣ береговъ Сыра также копаются арыки, и нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ нѣкоторая часть сыръ-дарьинскихъ безплодныхъ равнинъ будетъ превращена въ плодородныя и населенныя земли.

Рѣка Аму возникаетъ такъ же, какъ и Сыръ-дарья, изъ льдовъ и снѣговъ на границахъ Китая и Индіи въ обширной горной области Памиръ, которая на сѣверѣ сливается съ горами Тянь-Шавь. Около половины теченія Аму-дарьи приходится на различныя горныя страны, занятыя отрогами Памира. Здѣсь, въ горныхъ долинахъ, по берегамъ шумныхъ горныхъ потоковъ такъ же, какъ и на оазисахъ, живетъ осѣдлое населеніе, которое занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ; послѣднему не мало способствуютъ прекрасныя пастбища у подножія горъ и на ихъ скатахъ. Эти пастбища, одѣтыя сочною зеленою травъ, считаются самыми лучшими въ мірѣ и питаютъ многочисленныя стада

прекрасно откормленныхъ коровъ, овецъ и козъ. Быстро бѣгущіе съ горъ многочисленные ручьи и потоки въ изобиліи увлажняютъ почву и способствуютъ произрастанію той роскошной растительности, которая здѣсь встрѣчается во многихъ долинахъ. Это естественное орошеніе въ горахъ такъ же заботливо поддерживается и охраняется, какъ и оросительные каналы въ равнинахъ. Каждый горный ручей оберегается часто и тщательно расчисткою и подстановкою желобовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется, чтобы вода бѣжала ровною струей и напрасно не размывала бы землю. Понятно, что отъ изобилія ручьевъ зависятъ и необыкновенные урожаи въ горахъ (по «самъ—50—100») и тѣ живописныя році персиковыхъ, миндальныхъ, орѣховыхъ и тутовыхъ деревьевъ, которыя наполняютъ долины, защищенныя отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Поднимаясь выше въ горы, можно прослѣдить то постепенное измѣненіе окружающей природы, которая обычна всѣмъ вообще горнымъ странамъ. Надъ зеленью долинъ съ посѣвами и пастбищами возвышаются горныя скаты, одѣтые травами и кустарниками и кое-гдѣ покрытые квадратами пахотныхъ полей; выше ихъ—сплошная зелень травъ почти исчезаетъ, больше видно голой земли, на которой мѣстами встрѣчаются перелѣски арчи (дерево изъ породы можжевельника), кое-гдѣ изъ-за ея свѣтло-бурыхъ стеоловъ мелькають бѣлые стволы низкорослой березы и колючій кустарникъ. Во многихъ горныхъ областяхъ Памира въ этихъ высяхъ встрѣчаются и пастбища съ такою же густою и

высокою травюю, какъ и въ долинахъ; иногда мѣстами на ихъ зеленомъ просторѣ бывають посѣвы злаковъ, хотя высота этихъ мѣстъ достигаетъ почти 3 версты надъ уровнемъ моря. Еще выше — поясъ деревьевъ и травъ пропадаетъ, и на смѣну имъ выступаетъ бесплодная и безжизненная земля, усѣянная каменными глыбами и мѣстами прикрытая сѣдыми лишаями. Выше—и эта жалкая растительность исчезаетъ, уступая свое мѣсто снѣгамъ и льдамъ, которые въ изобиліи покрываютъ вершины высокихъ горъ: здѣсь царство вѣчнаго холода и вѣчной зимы; изъ живыхъ существъ можно только встрѣтить стада дикихъ козловъ, безмолвно проносящихся по снѣжнымъ полямъ, да одинокаго медвѣдя.

Протекая въ своемъ верхнемъ теченіи среди горъ, Аму-дарья представляетъ тамъ собою вполне горную рѣку, быструю, бурную и узкую. Ея ложе все завалено огромными камнями, берега въ большинствѣ случаевъ стѣснены мрачными нависшими скалами; дальше же на западъ, гдѣ горы становятся все меньше и меньше, пока совсѣмъ не исчезнутъ, Аму-дарья уже многоводная и широкая рѣка. Ея грязножелтыя волны несутся съ ужасающею быстротою, образуютъ во многихъ мѣстахъ грозные водовороты и подмываютъ берега, которые часто производятъ разрушительные обвалы. Значительные притоки Аму-дарьи съ правой стороны увеличиваютъ своими водами ея воды и въ среднемъ и нижнемъ теченіи дѣлають ее великою рѣкою. Именемъ «великой, огромной» рѣки она и на-

зывается у различныхъ кочевыхъ народовъ, живущихъ на ея берегахъ:

Слово «Аму» значить по-туркменски и по-узбекски «великая, громадная». Несмотря на мутный цвѣтъ, ея вода имѣеть очень пріятный вкусъ, достаточно лишь дать осѣсть мельчайшимъ частичкамъ песку, которыми она наполнена. Всѣ туземцы и путешественники говорятъ, что никакая вода въ мірѣ не сравнится по вкусу съ Аму-дарьинской. Ежегодные правильные разливы, которые имѣеть р. Аму, происходятъ отъ таянія нагорныхъ снѣговъ. Наводненіе начинается въ маѣ, въ концѣ же іюля или началѣ августа половодье достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Въ октябрѣ рѣка совершенно входитъ въ берега и продолжаетъ понижаться въ теченіе всей зимы,—это время мелководья, которое длится до наступленія весеннихъ дождей. Въ особенно холодныя зимы Аму-дарья совершенно замерзаетъ, и караваны свободно переходятъ по льду съ одного ея берега на другой.

Оазисы, пастбищныя равнины; громадныя болота съ чащами тростниковъ и камышей и мѣстами пустыни разбросаны по берегамъ Аму. И земли, которыя орошаются ея водами и смежными съ нею рѣками, принадлежать къ самымъ плодороднымъ и воздѣланнымъ землямъ средней Азіи. На почвѣ Аму-дарьинскихъ оазисовъ сосредоточено большинство осѣдлаго населенія, въ большомъ числѣ разбросаны богатые города и безчисленныя селенія, расположено два ханства: Хива и Бухара; въ древности же на этихъ берегахъ процвѣтали цѣлыя государства,

и вся страна служила предметомъ зависти, раздоровъ и губительныхъ войнъ разныхъ народовъ. Арычное орошеніе, какъ и въ Ферганѣ, является здѣсь могучимъ помощникомъ земледѣлію и садоводству. Милліоны каналовъ проточной воды, окаймленные зеленью деревь и кустовъ, перерѣзываютъ аму-дарьинскіе оазисы во всѣхъ направленіяхъ. На ихъ прекрасно орошенной плодородной почвѣ зрѣютъ тучные всходы различныхъ огородныхъ злаковъ и хлѣбовъ: пшеницы, ячменя и риса, произрастаютъ фруктовые сады со всевозможными плодовыми деревьями и высятся громадныя тополи, чинары, карагичи и платаны. Производительность почвы и цвѣтуцій видъ оазисовъ особенно ярко проявляются у устья Аму и особенно въ ея среднемъ теченіи, гдѣ площадь воздѣланныхъ земель увеличивается еще оазисами р. Зарафшана. Зарафшанъ лежитъ на сѣверѣ отъ Аму и беретъ начало въ отрогахъ Тянь-Шаня, Зарафшанскихъ горахъ. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ представляется могучею рѣкою, но, по выходѣ въ долину, воды Зарафшана расходятся по безчисленнымъ арыкамъ, которые всѣ вмѣстѣ оплодотворяютъ громадную площадь земель; не доходя почти ста верстъ до Аму-Дарьи, Зарафшанъ совершенно **истощается** и пропадаетъ. Берега этой рѣки по **своей живописности**, роскошной растительности и **густотѣ** населенія принадлежатъ къ **наиболѣе цвѣтущимъ мѣстностямъ** Средней Азии. Сѣро-пыльная **ночва** Зарафшанскихъ оазисовъ отличается замѣчательною производительностью. На десятки верстъ тянутся непрерывныя сады фруктовыхъ деревьевъ

впережку съ рощами акацій и стройныхъ то-полей. Многочисленные селенія, разбросанныя здѣсь и тамъ, выглядываютъ глинобитными стѣнами своихъ хижинъ изъ-за окружающей зелени; мѣстами по тѣ ихъ на тучныхъ лугахъ пасутся верблюды, лошади, ослы, коровы и овцы; вдали нѣжная зелень рисовыхъ полей прерывается спѣющими всходами пшеницы и ячменя. Воды арыковъ блестятъ по всѣмъ направленіямъ, омывая всю эту растительность, поля и длинные ряды арбузовъ, дынь, огурцовъ и другихъ овощей. Прелесть окружающей природы еще увеличивается мягкимъ, равномернымъ климатомъ. Вѣчно голубое небо почти не затмевается тучами; и грозы и бури здѣсь бываютъ очень рѣдко; жара далеко не такъ чувствительна, какъ въ степяхъ; масса воды и изобиліе растительности освѣжаютъ сухость воздуха и смягчаютъ зной; зимніе холода и морозы умѣренны: нѣжные персики, абрикосы и виноградъ зимуютъ безъ обвязки или прикрытія. Благодаря такимъ выгоднымъ условіямъ, долина Зарафшана еще въ глубокой древности была извѣстна, какъ богатая, надѣленная всѣми благами страна; ея населеніе въ то время уже исчислялось сотнями тысячъ. Въ наше время она также считается главнымъ населеннымъ пунктомъ Средней Азіи, и здѣсь находятся самыя важныя города страны: Бухара и Самаркандъ.

На югѣ отъ Аму-дарьи другая рѣка, очень значительная, тоже изсякаетъ, не дойдя до главной рѣки. Это—Мургабъ, гдѣ находится самый плодородный и живописный оазисъ южныхъ степей, Мервъ.

Почти на одной линіи съ нимъ по направленію къ Каспійскому морю также тянется, прерываясь песками, рядъ оазисовъ. Пустыня «Черные пески», окружающая ихъ почти со всѣхъ сторонъ, при помощи искусственнаго орошенія также могла бы быть превращена въ плодоносныя равнины; да, вѣроятно, въ древности она и была не пустынею, а богатымъ воздѣланнымъ краемъ, такъ какъ здѣсь мѣстами встрѣчаются развалины большихъ городовъ.

II. Народонаселеніе Средней Азіи.

Населеніе Средней Азіи состоитъ изъ киргизовъ, туркменъ, узбековъ и таджиковъ; первые—кочевники, кочующіе со своими стадами по сыръ-дарьинскимъ степямъ; часть узбековъ и туркменъ сдѣлалась осѣдлою и населяетъ нѣкоторые города и селенія оазисовъ, но многія ихъ племена ведутъ еще кочевой образъ жизни; нѣкоторые изъ осѣдлыхъ на лѣто уходятъ со своимъ скотомъ изъ селеній и городовъ на просторъ полей, гдѣ и живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ все время до наступленія холодовъ,—это—полукочевники и полуосѣдлые. Таджики же—самое древнее населеніе страны, съ незапамятныхъ временъ считались осѣдлымъ и наиболее образованнымъ народомъ Средней Азіи; они составляютъ самую значительную часть городского и сельскаго населенія.

Киргизы занимаютъ въ Средней Азіи своими кочевьями весь ея сѣверъ—всю громадную площадь сыръ-дарьинскихъ степей и междурѣчье Сыра и Аму; нѣкоторыя ихъ племена встрѣчаются и на

югѣ средней Азіи—на правомъ берегу Аму-дарьи, въ Бухарскомъ ханствѣ. Средне-азиатскіе киргизы принадлежатъ къ многочисленной киргизской народности, насчитывающей около 3.000.000 душъ. Кочевья этого народа покрываютъ всю обширную площадь земель отъ береговъ Волги до границъ Китая и отъ Аму-дарьи до сибирской рѣки Иртыша. Въ степяхъ Средней Азіи живетъ главное племя киргизовъ—киргизъ-кайсаки, самое многочисленное изъ всѣхъ киргизскихъ племенъ. Въ долинахъ Тянь-Шаня бродятъ съ своими стадами такъ называемые дико-каменные или черные киргизы; въ Ферганѣ же кочуетъ воинственное и безпокойное племя «кипчаки». Сами себя киргизы называютъ «казаками» или «кайсаками», что по-русски значитъ—кочевникъ, человекъ, не имѣющій опредѣленнаго жительства и постоянно странствующій. Каждое киргизское племя дѣлится на маленькія общины, живущія отдѣльно другъ отъ друга. Въ прежнее время эти общины часто враждовали между собою и жили въ полной независимости, не признавая никакой власти, кромѣ своихъ начальниковъ «султановъ» и старшихъ въ своихъ семьяхъ. Вражда происходила больше всего изъ-за пастбищныхъ мѣстъ, при чемъ старшины мирили спорившихъ, присуждая иногда въ пользу обиженной стороны часть скота обидчиковъ. Но послѣдніе, считая приговоръ тяжелымъ, при удобномъ случаѣ отбирали взятое съ лихвою. Такимъ образомъ происходили наслѣдственные ссоры и обоюдный угонъ стадъ. Въ настоящее время подраздѣленія киргизовъ на подобныя общины начи-

нають исчезать вслѣдствіе тѣхъ новыхъ распоряженій и правилъ, которыя въ степяхъ начинаютъ вводить русскіе. Лѣтъ 30 съ небольшимъ тому назадъ Высочайшимъ повелѣніемъ Государя въ Киргизскихъ степяхъ введено было новое управленіе взамѣнъ прежняго, стараго; это управленіе было приспособлено къ мѣстныхъ нравамъ и обычаямъ. Кочевья были распредѣлены по уѣздамъ; каждымъ уѣздомъ управляетъ воинскій уѣздный начальникъ, при которомъ состоятъ его два помощника. Уѣзды распредѣляются на волости, волости на селенія. Въ волости заключается отъ одной до двухъ тысячъ кибитокъ; ею управляетъ волостной управитель; въ селеніи заключается отъ ста до двухсотъ кибитокъ; управленіе каждаго селенія возложено на сельскаго старшину. Волостной управитель и сельскій старшина избираются по народному обычаю изъ среды населенія. Киргизамъ предоставлено было судиться у особыхъ судей; эти судьи, называемые «біями», выбираются также народомъ на три года; преступленія же по нарушенію общественнаго порядка и неповиновенію рускимъ властямъ разбираются послѣдними. Вслѣдствіе этого новаго устава, многіе султаны и старшины остались не у дѣль.

Киргизскіе султаны называютъ себя «бѣлою костью» — людьми благороднаго происхожденія — въ отличіе отъ простаго народа, именуемаго «черною костью». Языкъ всѣхъ киргизовъ одинъ и тотъ же, съ небольшими лишь измѣненіями у различныхъ пле-

мень; онъ очень похожъ на татарскій и составляетъ какъ бы особое его нарѣчiе. Что касается происхожденiя киргизовъ, то относительно этого существуютъ различныя мнѣнiя. Нынѣшнiе же киргизы больше всего подходятъ къ монголо-татарамъ, которые когда-то приходили на Русь съ Батыемъ. Это коренастые, крѣпко сложенные люди, небольшого роста, съ широкимъ черепомъ, плоскими лицами, выдающимися скулами и маленькими, наискось лежащими глазами; борода и усы у киргизовъ рѣдкiе, цвѣтъ лица и тѣла смуглый, часто даже грязно-бурый. По большей части, киргизы очень сильны, но крайне лѣнны, вялы и неповоротливы; походка у нихъ тяжелая, развалистая, ноги отъ постоянного сидѣнiя на лошади слегка выгнуты дугою. У нѣкоторыхъ племенъ матери даже имѣютъ обычай класть небольшую подушку между ножками спеленатыхъ дѣтей, чтобы постепенно сдѣлать ихъ выгнутыми, такъ что когда ребенокъ вырастетъ, его ноги ужъ приспособлены для верховой ѣзды. Въ характерѣ киргиза—преобладаетъ лѣнь и безпечность. Ничего не дѣлать — для него высшее блаженство; киргизу часто бываетъ лѣнь запастися сѣна на зиму, и даже мелкiй степной заяцъ собираетъ и сунитъ на солнцѣ больше сѣна, чѣмъ многiе изъ киргизовъ. Киргизская лѣнь и беззаботность стоятъ на первомъ планѣ во всей ихъ жизни и вошли даже въ поговорку у ихъ сосѣдей. Въ киргизскихъ цѣсняхъ женщины прославляютъ лѣнность мужчинъ и свое собственное трудолюбiе. Работая почти все за мужей, проводя всю жизнь въ тяжеломъ трудѣ,

киргизки болѣе стройны и ловки, чѣмъ ихъ мужья, кромѣ того, онѣ и добродушнѣе и чистосердечнѣе ихъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ длинныхъ кафтановъ или халатовъ изъ армячины, бумажной или шелковой матеріи, смотря по достатку; штаны въ большинствѣ случаевъ сдѣланы изъ бараньей кожи съ рисунками яркихъ цвѣтовъ. Мало-мальски зажиточные киргизы носятъ рубашки; бѣдные же сплошь и рядомъ одѣваютъ халатъ на голое тѣло. Бритую голову покрываютъ маленькой шапочкой, какъ у татаръ, поверхъ которой лѣтомъ надѣваютъ войлочную островерхую шапку, а зимою мѣховую, мѣхомъ внизъ.

Всѣ киргизы средне-азиатскихъ степей скотоводы—народъ пастушескій и кочевой по преимуществу. Ихъ жилище—войлочная кибитка или юрта. Поставить кибитку и разобрать—дѣло немногихъ минутъ. Въ какихъ-нибудь полчаса цѣлыя киргизскія селенія снимаются съ мѣстъ и направляютъ путь со своими стадами къ другимъ мѣстамъ стоянокъ, въ началѣ лѣта—къ сѣверу, такъ какъ тамъ болѣе прохладно, въ первые же дни зимы идутъ на югъ, гдѣ болѣе тепло. Во время такихъ передвиженій на новыя пастбища, разобранныя кибитки и домашній скарбъ навьючиваются на верблюдовъ и ословъ. Взрослые мужчины ѣдутъ на лошадяхъ, дѣти съ матерями и старухи сидятъ на верблюдахъ, подростки же всѣ идутъ пѣшкомъ. Изъ молодыхъ только дочь невѣста, а изъ старшихъ—любимая жена старшаго въ семьѣ имѣютъ право ѣхать на верблюдѣ и ничего не дѣлать, всѣ же

остальные женщины заняты: матери своими дѣтьми, старухи прядутъ грубую шерсть для платья и мѣшковъ. Сзади каравана слѣдуютъ подъ приглядомъ мужчинъ стада верблюдовъ, лошадей, овецъ, ословъ и рогатаго скота; впереди каравана, показывая путь, ѣдетъ старшина. Когда караванъ достигаетъ назначеннаго мѣста, начинается порядочная суматоха. Пока отцы семействъ разсѣдываютъ своихъ лошадей, чтобы пустить ихъ на пастбище, молодежь съ страшными криками сгоняетъ въ кучу верблюдовъ, овецъ и коровъ, такъ какъ время ужъ ихъ доить. Палатки сняты съ верблюдовъ, старухи торопливо устанавливаютъ ихъ рѣшетчатые остовы, прилаживаютъ къ нимъ верхъ и обтягиваютъ кошмами. Пока юрту покрываютъ снаружи войлоками, дѣти внутри ея развѣшиваютъ по стѣнамъ мѣшки, разводять огонь и устанавливаютъ надъ нимъ громадный таганъ. Все это дѣлается очень быстро. Передъ юртами идетъ страшный шумъ: кричатъ животныя, женщины, плачутъ дѣти, перебраниваются мужчины. Начинается доеніе молока—самый оживленный часъ дня. Бѣднымъ женщинамъ приходится не мало терпѣть отъ нетерпѣливости и злости животныхъ, притомъ особенно много возни съ прожорливыми дѣтьми, которыя безпрестанно требуютъ молока; мужчины же стоятъ подлѣ и ни одинъ изъ нихъ не поможетъ. Киргизская лѣнь оправдывается даже обычаемъ, что для мужчины величайшій стыдъ и позоръ, если онъ приметъ участіе въ какой-либо женской работѣ. Когда молоко собрано и разлито въ кожаные мѣхи, стадо

разсыпается по равнинѣ. Шумъ постепенно стихаетъ; кочевникъ удаляется въ палатку и, приподнявъ немного нижній край войлочной обшивки, ложится на кошму. Легкій вѣтерокъ проходитъ сквозь рѣшетчатый остовъ кибитки и навѣваетъ сладкій сонъ на ея хозяйина. Женщины же принимаются за работу: начинаютъ прясть шерсть или доканчиваютъ на половину уже готовый войлокъ, или же начинаютъ новый.

Киргизъ-кайсаки не такъ воинственны, какъ ихъ южные сосѣди-туркмены, однако русскимъ пришлось вести съ ними долгую и упорную войну, продолжавшуюся болѣе ста лѣтъ. Въ настоящее время киргизы утратили всякую самостоятельность и живутъ подъ русскимъ владычествомъ. Въ общемъ, этотъ народъ миролюбивый. Всѣ киргизы большіе любители охоты: ходятъ на волковъ, лисицъ, зайцевъ и перепеловъ. Для охоты они съ большимъ искусствомъ пріучаютъ ястреба, сокола и даже орла, хотя помощь послѣдняго не совсѣмъ безопасна для охотника. Случается, что орелъ, высматривая съ небесной выси волка, зайца или лисицу, видитъ, что звѣрь скрылся или въ нору или еще куда-либо, тогда озлобленный крылатый хищникъ съ быстротою молніи бросается на своего хозяина,шибаетъ его съ коня ударами сильныхъ крыльевъ, вонзаетъ когти въ тѣло и старается выклевать глаза.

По вѣрѣ киргизы считаютъ себя мусульманами, но къ мусульманству примѣшиваютъ много остатковъ старой языческой вѣры и различныя суевѣ-

рія. Больше всего киргизъ боится «дурного глаза» и чтобы кто-нибудь не «сглазилъ» его верблюда, онъ навѣшиваетъ на голову послѣдняго различныя тряпицы и разноцвѣтныя ленты. Этимъ онъ думаетъ предохранить животное отъ дѣйствія «дурного глаза». Примѣтъ у киргизовъ множество: почти все, что случается въ обыденной жизни, по ихъ мнѣнію, имѣетъ свое особое значеніе: упадетъ нитка на бѣлый или черный камень—примѣта, на поджариваемыхъ бараньихъ лопаткахъ появятся поперечныя или продольныя трещины—то же что-нибудь означаетъ. Опасаются киргизы и злыхъ духовъ: по ихъ вѣрованію, всѣ степи полны ими; чтобы умилостивить этихъ духовъ, киргизы приносятъ имъ жертвы и заклинаютъ ихъ, для чего на различныхъ урочищахъ и перекресткахъ дорогъ вѣшаютъ на воткнутыя въ землю палки или на кусты ленты, конскіе хвосты и тряпицы. Собираясь въ путь или отправляясь воровать чужой скотъ, киргизъ зашиваетъ въ тряпочку клочекъ бумаги, на которомъ написана мусульманская молитва и, какъ ладонку, прикрѣпляетъ этотъ мѣшечекъ себѣ на шапку или халатъ. По мнѣнію киргизовъ, это должно имъ дать мужество и отвагу, а также и удачу въ задуманномъ дѣлѣ. Изъ всѣхъ магометанскихъ обычаевъ киргизамъ больше всего пришлось по сердцу многоженство; впрочемъ, оно распространено только между зажиточными, такъ какъ киргизу приходится покупать себѣ жену, платя за нее выкупъ скотомъ и деньгами. Изъ своихъ старинныхъ обычаевъ киргизы хорошо сохранили тѣ, ко-

торые относятся къ похоронамъ. Своихъ покойниковъ они хоронятъ съ плачемъ и рыданіями; поминки по умершимъ справляютъ на сотый день послѣ ихъ смерти, въ годовщину и, наконецъ, по прошествіи десяти лѣтъ. Въ теченіе цѣлаго года послѣ смерти покойника его родственники утромъ и вечеромъ cadaго дня испускаютъ вопли и бьютъ себя въ грудь передъ куклой, одѣтой въ платье умершаго. Надъ могилами киргизы насыпаютъ большіе курганы; на многихъ изъ нихъ встрѣчаются надгробные памятники всевозможныхъ величинъ и различныхъ формъ. Могильные же курганы надъ прахомъ храбрыхъ, неустрашимыхъ людей украшаются высокими копьями, воткнутыми въ землю; на верху такихъ пикъ привѣшиваются конскіе гривы и хвосты. Такія могилы пользуются со стороны киргизовъ величайшимъ почетомъ: проходя мимо ихъ, степнякъ всегда считаетъ своимъ долгомъ сотворить молитву съ колѣнопреклоненіемъ у подножія кургана. Многіе зажиточные прохожіе оставляютъ здѣсь для нуждающихся разныя вещи: съѣстные припасы, деньги, одежду и проч. Бѣдные же путники могутъ взять себѣ въ даръ отъ умершаго все, что увидятъ на могилѣ, но сами должны при этомъ оставить здѣсь хоть самую незначительную изъ своихъ вещей. Такимъ образомъ приношенія на могилахъ никогда не истощаются. Такъ какъ киргизы были скотоводами съ незапамятныхъ временъ, то они все свое богатство исчисляють скотомъ, скоть замѣняетъ въ большинствѣ случаевъ и деньги: при торговыхъ сдѣлкахъ кочевники очень ча-

сто расплачиваются скотомъ. Киргизскіе богачи насчитываютъ въ своихъ стадахъ сотни верблюдовъ, тысячи лошадей и десятки тысячъ барановъ; у киргизовъ есть и рогатый скотъ, но въ меньшемъ количествѣ. Во время зимы скотъ причиняетъ кочевникамъ особенно много хлопотъ: въ это время, какъ и лѣтомъ, онъ находится на подножномъ корму, потому стоитъ большого труда доставить ему кормъ и сохранить отъ губельныхъ степныхъ холодовъ и метелей. Самыя лучшія пастбища въ степяхъ прибегаютъ къ зимѣ; когда выпадетъ снѣгъ и покроетъ землю, лошади начинаютъ копытами разгребать его и срывать верхнюю часть стеблей травы, затѣмъ на то же мѣсто пускаютъ верблюдовъ, которые скусываютъ траву ближе къ землѣ, наконецъ, очередь доходить до овецъ, которыя ужъ выщипываютъ растенія до самаго корня. Животныя, еще непривыкшія къ такой тяжелой степной жизни, часто гибнутъ отъ безкормицы, стужи и степныхъ урагановъ. Правда, кучки деревьевъ, камыши и овраги служатъ въ степи убѣжищами стадъ во время бурь, но въ открытыхъ равнинахъ нужно выкапывать большія ямы, куда и укрывается скотъ отъ непогоды, или протягивать войлочный заборъ со стороны вѣтра, но это не всегда можно сдѣлать быстро и во время. Степныя овцы всѣ отличаются курчавою шерстью и жирнымъ громаднымъ хвостомъ (курдюкомъ); эти животныя, когда подростутъ, дѣлаются такими большими и сильными, что дѣти, играя, часто развѣзжаютъ на нихъ верхомъ. Стада овецъ всегда ходятъ подъ предводительствомъ

козъ и въ началѣ или концѣ зимы нерѣдки случаи, что если стаду на пути попадаетъ озеро или небольшая степная рѣчка, — легкія козы свободно перебѣгаютъ по ея хрупкому льду, овцы же, бросаясь за ними, сотнями тонуть въ водѣ.

Киргизскія лошади некрасивы: онѣ небольшого роста и не отличаются стройностью и соразмѣрностью членовъ, но за то онѣ очень выносливы и неприхотливы, шагомъ проходятъ въ день версть 80 и даже 100, ѣдятъ все, что попадется, легко переносятъ всѣ рѣзкости степного климата и ложатся прямо на голую землю, будь то горячій песокъ пустыни или пастбище, покрытое холодной утренней росой. На киргизскихъ конскихъ скачкахъ не рѣдкость видѣть, какъ киргизы на своихъ невзрачныхъ коняхъ пролетаютъ въ четверть часа версть 15 или въ полчаса — версть 20. Верблюды въ степяхъ встрѣчаются двухъ породъ: одногорбые и двухгорбые. Одногорбые менѣе выносливы, чѣмъ двухгорбые, и потому въ сѣверныхъ степяхъ средней Азіи, гдѣ климатъ болѣе рѣзокъ, нежели на югѣ, водятся двухгорбые верблюды. Зимой верблюды бываютъ покрыты шерстью темно-бураго цвѣта, лѣтомъ — желтаго, нѣсколько рыжеватаго оттѣнка. По своему характеру верблюды очень злы, упрямъ и долго помнитъ обиды; когда разсердится — бьетъ ногами, плюетъ и кусается. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ это животное не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ при передвиженіяхъ чрезъ степи и пустыни. Во времена глубокой древности у всѣхъ пастушескихъ народовъ востока верблюды

употреблялся какъ домашнее животное; съ его существованіемъ всегда тѣсно было связано существованіе кочевника, и въ длинныхъ переѣздахъ по голымъ равнинамъ и по пустынямъ песковъ верблюды искони являлся надежнымъ животнымъ, которое одно было въ состояніи перенести на себѣ человѣка чрезъ эти безжизненные, безводныя мѣстности. Онъ не нуждается въ торныхъ, хорошо проложенныхъ дорогахъ, и въ степяхъ и пустыняхъ, гдѣ слѣды путниковъ теряются такъ же скоро, какъ и слѣдъ корабля въ океанѣ, какъ незамѣнимъ верблюдъ съ его безошибочнымъ чутьемъ вѣрно идти къ цѣли, не сбиваясь съ пути! Не напрасно онъ такъ мѣтко названъ «кораблемъ пустыни». Не прихотливость верблюда поразительна: онъ ѣстъ колючки, засохшія жесткія растенія, гложетъ сухія палки и кору деревьевъ; пьетъ верблюдъ много: въ одинъ разъ ведеръ по десяти-двѣнадцати воды, но, напившись въ волю, онъ легко переноситъ жажду въ теченіе 4 — 6 сутокъ. Двугорбые верблюды могутъ нести пудовъ 16—18 груза, и въ часъ проходить верстъ 5 — 6; одногорбые сильнѣе двугорбыхъ и могутъ везти до 22 пудовъ. Когда въ путь отправляется нѣсколько нагруженныхъ верблюдовъ, каждый изъ нихъ привязывается веревкою къ хвосту впереди идущаго его товарища. Нѣкоторые же степные народы, въ томъ числѣ и киргизы, поступаютъ такъ: носъ верблюда прокалываютъ ножомъ и въ проколотое отверстіе вставляютъ палочку, къ концамъ которой и прикрѣпляютъ поводъ; связанные такимъ образомъ другъ съ другомъ, верблюды мѣрно, не

спѣшною поступью идутъ гуськомъ другъ за другомъ. Такая вереница ихъ называется «караваномъ». Впереди каравана обыкновенно ѣдетъ вожатый на верблюдѣ, убранномъ всякою бахромою и блестящими, въ рукахъ у него поднятое къверху копые или просто длинная палка съ привязаннымъ на концѣ ея лоскутомъ, это для того, чтобы идущимъ сзади каравана людямъ видно было, въ какую сторону должно слѣдовать за начальникомъ каравана. Днемъ путь обыкновенно опредѣляется по солнцу, ночью же путеводителями служатъ звѣзды и мѣсяць.

Покончивъ съ кочевниками сырѣ - дарьинскихъ степей, переходимъ къ народамъ приамударьинскихъ

„Туркмены“.

равнинъ, которые населяютъ южные и западные степи и оазисы средней Азии. Изъ народовъ, обитающихъ здѣсь, по численности первое мѣсто при-

надлежитъ туркменамъ, народу такъ называемаго «тюрокскаго» племени, слѣдовательно, родственнаго киргизамъ, къ тому же и одной вѣры съ ними. Кочевья и селенія туркменъ, главнымъ образомъ, занимаютъ всѣ степи и оазисы на площади равнинъ, ограниченныхъ на сѣверѣ—Каспійскимъ моремъ, на югѣ—русско-персидской и русско-афганской границами, на западѣ — Аму-дарьею и на сѣверѣ — устьемъ Аму, гдѣ расположена Хива. Туркмены живутъ также на сѣверо-востокѣ Персїи и по среднему теченію Аму-дарьи, на правомъ ея берегу (въ Бухарѣ) и на лѣвомъ (въ Афганистанѣ). Общее число туркменъ, живущихъ въ русскихъ владѣніяхъ, около милліона душъ; они дѣлятся, какъ и киргизы, на многочисленныя племена; самыя знаменитыя и многочисленныя изъ нихъ—текинцы, эрсари, обитающіе на мервскомъ оазисѣ, и туркмены-юмуды, живущіе ближе къ Хивѣ, гдѣ ихъ обработанныя земли сливаются съ садами и полями хивинцевъ. Большинство туркменъ имѣетъ широкій лобъ, огненные черные глаза, рѣзко очерченный носъ, короткіе густые волосы и черную, не особенно густую бороду; почти всѣ туркмены высокаго роста, очень сильнаго тѣлосложенія, обладаютъ большою гибкостью членовъ и отличаются отъ своихъ сородичей киргизовъ и узбековъ смѣлымъ взглядомъ, гордою воинственной осанкой и смѣлой поступью. Осѣдлые туркмены, занимающіеся земледѣліемъ на Мервскомъ и Ахиль-текинскомъ оазисахъ, а также и по берегамъ Аму-дарьи, живутъ въ глинобитныхъ домахъ съ плоскими кры-

шами и толстыми стѣнами; вокругъ такого жилища тянутся огороды съ различными овощами, попеременно съ куртнами плодовыхъ и неплодовыхъ деревьевъ. Огородъ также окружается со всѣхъ сторонъ крѣпкою глиняною оградю. Такъ какъ огороды и посѣвы находятся при домѣ, то туркменскія селенія раскидываются на большое пространство и по своимъ многочисленнымъ стѣнамъ кажутся какими-то крѣпостями. На лѣто осѣдлые туркмены обыкновенно не живутъ въ домахъ, а разбиваютъ по близости селенія кибитки, въ которыхъ и проводятъ все теплое время года; кочевники же цѣлый годъ исключительно живутъ въ кибиткахъ. Одежда туркменъ состоитъ изъ красной бумажной, а у богатыхъ шелковой рубашки, которая опускается ниже колѣнъ. Мужчины сверхъ рубашки надѣваютъ бумажный халатъ, стеганный на ватѣ; цвѣтъ халата почти у всѣхъ одинаковъ: темнокрасный, съ мелкими черными полосками; на голову надѣвается громадная мохнатая баранья шапка. Зимю и лѣтомъ, чтобы холодъ или жаръ были не особенно чувствительны, туркмены надѣваютъ на себя отъ трехъ до четырехъ халатовъ; такой костюмъ зимою хорошо защищаетъ отъ рѣзкаго степного холода, лѣтомъ же предохраняетъ отъ солнечнаго удара; последнее здѣсь не рѣдко случается, если принять во вниманіе страшный лѣтній зной южныхъ средне-азіатскихъ степей. Женщины обыкновенно не носятъ другой одежды, кромѣ рубашки, но когда нужно нарядиться, туркменки опоясываются большою шалью, на ноги надѣваютъ желтые

или зеленые сапоги, руки и ноги унижаютъ браслетами, въ уши вставляютъ серьги, грудь же украшаютъ множествомъ монеть и ожерелій изъ бусъ, раковинъ и блестящихъ монеть. Нѣкоторыя щеголихи даже продѣваютъ себѣ кольца въ перегородку ноздрей. Въ праздничные дни туркменка надѣваетъ себѣ на голову громадный головной уборъ, который весь унизанъ и увѣшанъ бусами, бисеромъ, разными монетами, бубенчиками, блестящими побрякушками и маленькими раковинами. Подобный уборъ бываетъ иногда такъ великъ, что голова его обладательницы невольно напоминаетъ огромную копну. Туркменки не закрываютъ своихъ лицъ, какъ всѣ женщины городского населенія въ средней Азіи, — «некогда», — говорятъ онѣ — «слѣдовать намъ въ пустынь за обычаями горожанокъ».

Большинство туркменъ не имѣютъ у себя никакого хана и признаютъ себя отвѣтственными предъ русскимъ правительствомъ только за тѣ проступки, которые такъ или иначе касаются русскихъ; во всемъ же остальномъ туркмены никому не подчинены, и всѣ равны. — «Каждый изъ насъ самъ себѣ царь!» — съ гордостью говорятъ они. Правда, каждая туркменская община, т. е. селенье или кочевье, управляются старшинами, но эти начальники имѣютъ вліяніе на народъ въ томъ случаѣ, когда дѣло касается всей общины, на примѣръ: нужно собрать подать, посовѣтоваться, какъ поступить, если кто-либо убилъ челоуѣка или укралъ лошадь изъ другого племени или населенія. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ туркменскіе старшины не имѣютъ

ровно никакого значенія, и къ нимъ никто не поидеть жаловаться по поводу личнаго оскорбленія, покражи имущества или какой-либо неправды. Ни суда, ни слѣдствія у туркменъ не существуетъ; если что-либо случится въ своемъ племени, обиженный самъ оплачиваетъ обидчику и порою не останавливается даже передъ убійствомъ; изъ - за мести у туркменъ часто ведутся продолжительныя кровавыя распри между отдѣльными семьями и племенами. Подобная вражда продолжается иногда долгіе годы, передаваясь изъ рода въ родъ, и оканчивается только тогда, когда обида будетъ заглажена вознагражденіемъ въ видѣ денегъ или скота. Всѣ племена туркменъ и отдѣльныя лица вступаютъ въ союзъ и дружбу другъ съ другомъ по собственной волѣ, расходятся также по обоюдному согласію, за всѣ свои грѣхи и проступки отвѣтственны не предъ судьями, а только, по ихъ словамъ, передъ собственною совѣстью; повинуются не начальникамъ своимъ, а тѣмъ правиламъ и дѣдовскимъ обычаямъ, которые складывались вѣками и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе съ незапамятныхъ временъ. Конечно, такая жизнь сдѣлала изъ туркменъ вольницу, народъ разбойническій и хищный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это не мѣшаетъ имъ уважать мирнаго сосѣда, быть очень гостепріимными и свято держать данное слово. Чтобы угостить путника, забредшаго въ его кибитку, туркменъ старается достать все лучшее, что только можно найти въ данную минуту подъ рукою; если нѣтъ ничего своего, то у туркменъ позволяется украсть необходимое у со-

сѣда, лишь только бы угостить гостя и дать ему возможность уютно и хорошо отдохнуть отъ трудной дороги. Если предложить за подобное гостепріимство деньги, туркмены отказываются отъ нихъ: «мы бѣдны,—говорять они съ достоинствомъ,—но благородны, и хлѣбъ и соль гостямъ не продаемъ». Въ своей всегдашней жизни туркмены отличаются замѣчательною честностью. У нихъ не заимодавецъ, а должникъ хранить у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнитъ точную сумму своего долга. О неуплаѣ долговъ не можетъ быть и рѣчи: туркмень согласится скорѣе умереть, нежели не заплатитъ долга и осрамить этимъ свою семью и все племя. Въ этомъ отношеніи туркмены рѣзко отличаются отъ окружающихъ народовъ: персіянь, афганцевъ и таджиковъ.

Изъ старыхъ дѣдовскихъ обычаевъ туркмены сохранили многіе. Такъ, передъ самымъ вѣнчаніемъ невѣсту у нихъ нарочно похищаютъ; она закрывается длиннымъ покрываломъ, беретъ въ руки козленка или ягненка, садится верхомъ на лошадь и мчится по степи во весь опоръ. За ней скачетъ женихъ со своими друзьями и старается ее поймать. Дѣвушка не дается и быстрыми поворотами старается уклониться то въ одну сторону, то въ другую, пока, наконецъ, женихъ не догонитъ ее и не схватитъ за руку. На третій или на четвертый день послѣ свадьбы, молодая туркменка совершаетъ новое притворное бѣгство, но на этотъ разъ къ своимъ роднымъ; въ ихъ юртѣ она и остается жить цѣлый годъ. Мужъ ея въ это время старается какъ

можно больше наворовать или награть, чтобы было чѣмъ уплатить родителямъ своей жены плату за нее *). Всѣ другія событія туркменской жизни также сопровождаются старыми обычаями. Туркмены приамударьинскихъ степей, по преимуществу, народъ вооруженныхъ пастуховъ; даже тѣ, которые составляютъ осѣдлое населеніе оазисовъ—скотоводы; все богатство туркмена заключается въ стадахъ, и самое существованіе его нераздѣльно связано со скотомъ. Гибель стадъ отъ зимнихъ вьюговъ и безкормицы, отъ лѣтнихъ жаровъ и жажды отражается и на туркменахъ, — наступаютъ степныя голодовки со всѣми ихъ ужасами. Побуждаемые голодомъ и отчаяніемъ, туркмены бросаются грабить сосѣднія племена, и беспощадная война продолжается иногда по нѣскольку лѣтъ.

Верблюды и лошадь — неразлучные спутники кочующаго туркмена. Верблюды туркменовъ почти всегда пасутся вокругъ кочевьевъ и притомъ безъ пуга, безъ присмотра, — на волѣ; многіе изъ нихъ дѣлаются даже дикими, уходятъ въ глубь степей и остаются тамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Что касается туркменскихъ лошадей, то онѣ некрасивы на видъ, но мало найдется такихъ выносливыхъ и сильныхъ, какъ эти кони. Туркмень воспитываетъ свою лошадь у себя въ палаткѣ вмѣстѣ со своими дѣтьми; ласки женщинъ, безграничная любовь къ ней хозяйина дѣлаютъ ее необыкновенно смиренною и смышленною.

*) У туркменъ, какъ у всѣхъ, вообще, мусульманъ, мужъ платитъ за жену ея отцу извѣстный выкупъ деньгами, скотомъ или вещами, смотря по соглашенію.

Часто можно видѣть въ бѣдной изодраной кибиткѣ туркмена его семью, одѣтую въ лохмотья, тогда какъ лошадь всегда покрыта хорошимъ войлокомъ. Мужчина туркменъ только и занятъ одною лошадью, какое-либо ремесло, трудъ онъ не терпитъ и предоставляетъ заниматься этимъ женщинамъ. Даже у осѣдлыхъ туркменъ большая часть земледѣльческихъ работъ лежитъ на обязанности женщинъ; занятіе мужей, по мнѣнію этого народа, должно состоять только въ войнахъ и грабежахъ. Для широкой, беззаботной жизни туркмена необходимы частые набѣги на сосѣдей, разбой и захватъ плѣнныхъ. И подобныя уголовныя преступленія, за которыя у насъ сослали бы въ Сибирь, въ туркменскихъ степяхъ не считаются ни стыдомъ, ни проступкомъ, а особою удачью и молодечествомъ, и кто въ жизни больше пролилъ человѣческой крови, много угналъ стадъ у сосѣдей, тому почетъ и слава, про того поются и пѣсни, того и величаютъ. Не такъ давно, когда туркменскія степи не были завоеваны русскими, по нимъ не было ни прохода, ни проѣзда чужестранцу. Туркмены на своихъ послушныхъ и умныхъ коняхъ выслѣживали караваны персидскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ купцовъ и, скрываясь за песчаными буграми и кустами, терпѣливо шли за ними. При удобномъ случаѣ, раннимъ утромъ, когда сонъ особенно крепокъ, хищники съ дикимъ крикомъ бросались на караванъ, грабили его, изъ людей нѣкоторыхъ убивали, другихъ же брали въ плѣнъ; верблюды и лошади также дѣлились между грабителями. Ча-

сто туркмены нападали и на русскихъ подданныхъ: на поселенія уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ и на киргизовъ, кочующихъ въ русскихъ владѣнiяхъ, между Каспiйскимъ и Аральскимъ морями. При каждомъ изъ такихъ набѣговъ туркмены убивали людей, жгли селенiя, захватывали множество плѣнныхъ и угоняли огромные стада и табуны лошадей. Попавшiеся въ руки туркменъ дѣти и старики умерщвлялись на мѣстѣ; духовныхъ лицъ они щадили и отпускали на волю, думая, что они своими молитвами могутъ навлечь на грабителей несчастье; молодые же люди обоого пола, годные для работъ, брались въ плѣнъ. Плѣнниковъ туркмены уводили въ свои невѣдомыя степи, откуда и продавали ихъ на бухарскiе и хивинскiе рынки. Эта статья дохода была для степныхъ грабителей самая выгодная и доставляла имъ безбѣдное существованiе на цѣлый годъ; на вырученныя отъ продажи невольниковъ деньги туркменъ свободно могъ жить, ничего не дѣлая, въ теченiе долгаго срока. Когда же выходили деньги или накопленные запасы, туркмены соединялись опять въ шайки для новаго набѣга на какую-либо область. Лѣтъ 60 тому назадъ ихъ дерзость доходила до того, что они на дрянныхъ баркахъ смѣло пускались по Каспiйскому морю, нападали на Кавказскiй берегъ, гдѣ находится городъ Баку, и здѣсь добывали себѣ плѣнниковъ и другую добычу. Особенно много причиняли зла эти хищники Персiи. Тѣ персидскiе округа, которые соприкасались съ туркменскими пустынями, почти совершенно обезлюдѣли отъ опу-

стошительныхъ набѣговъ жестокихъ кочевниковъ. Во многихъ мѣстахъ оставшіеся въ живыхъ жители окружили свои деревни толстыми стѣнами съ высокими башнями; съ такихъ башенъ караульные день и ночь наблюдали за окрестностями, чтобы при первомъ появленіи разбойниковъ подать тревогу. Число всѣхъ людей, уведенныхъ изъ Персіи туркменами въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, опредѣляется, приблизительно, въ одинъ миллионъ. Случалось такъ, что одновременно въ Хивѣ и Бухарѣ топилось въ рабствѣ до 200.000 невольниковъ; одни изъ нихъ были закованы въ цѣпи и находились въ тюрьмѣ, другіе же исполняли самыя тяжелыя работы у своихъ хозяевъ-хивинцевъ или бухарцевъ. Кромѣ постоянныхъ набѣговъ на сосѣдей, туркмены также вели между собою долгія междоусобныя войны. Война—вездѣ несчастіе, а въ степяхъ ея послѣдствія такъ ужасны, что трудно вообразить.

Нерѣдко одно племя, чувствуя себя сильнѣе другого, вдругъ безъ малѣйшаго повода нападало на него. Всѣ, кто только могъ взяться за оружіе, сражались и побѣждали или падали мертвыми; семьи же побѣжденныхъ и ихъ стада шли въ добычу побѣдителямъ. И какъ часто случалось, что сегодня, нацримеръ, какая-либо семья ложилась спать довольная и счастливая, а ночью или утромъ случалось нападеніе, и дѣти лишались родителей, родители дѣтей; ихъ имущество дѣлили между собою враги, и ихъ самихъ продавали въ разныя мѣста, навѣки разлучивъ другъ съ другомъ.

Если бы не эта сильная склонность къ войнѣ и грабежу, то жизнь туркменъ могла бы протекать тихо и спокойно: у жителей Средней Азіи потребности, вообще, незначительны, такъ что бѣдность здѣсь встрѣчается очень рѣдко.

Русское правительство издавна предпринимало различныя мѣры противъ набѣговъ туркменъ, но всѣ походы въ ихъ степи и погромы ихъ кочевьевъ не достигали цѣли. Наконецъ, въ 1880 году совершился знаменитый походъ противъ туркменъ генерала Скобелева; туркменамъ было нанесено нѣсколько поражений, и всѣ ихъ степи были присоединены къ Россіи. Съ тѣхъ поръ въ степяхъ прекратились грабежи и разбой, и самая память о нихъ стала понемногу забываться. Дотошъ страшные туркмены теперь мирно расхаживаютъ по базарамъ средне-азіатскихъ городовъ, продавая издѣлія своихъ женъ—знаменитые ковры, которые славятся своей выдѣлкой и прочностью красокъ. Узбеки по языку и происхожденію принадлежатъ такъ же, какъ киргизы и туркмены, къ тюркскому племени, и такъ же, какъ эти два народа—магометане. Сами себя узбеки считаютъ потомками кочевыхъ племенъ Золотой Орды, т.-е. того татарскаго царства, которому въ древности подчинялась вся Русь. Когда-то въ Средней Азіи узбеки составляли господствующее племя, имъ подчинялись всѣ народы страны. Въ то время узбеки были болѣе образованы, чѣмъ теперь, и съ уснѣхомъ занимались земледѣліемъ. Многіе изъ нихъ въ настоящее время опять вернулись къ кочевому состоянію. Даже между

горожанами не рѣдкость встрѣтить такихъ, которые все лѣто проводятъ въ палаткѣ среди своего сада; большинство же жителей селеній съ наступленіемъ лѣта отправляются со своимъ скотомъ въ равнины, разбиваютъ тамъ кибитки и живутъ въ нихъ до наступленія холодовъ. Это полукочевники. Живя богъ-о-богъ съ различными народностями — киргизами, туркменами и таджиками, узбеки, какъ ихъ обновѣрцы, часто роднились съ ними. Поэтому на миллионъ узбековъ, живущихъ нынѣ въ Средней Азіи, приходится значительная доля посторонней крови; это замѣтно и по чертамъ лица, и по походкѣ, и по характеру. На всемъ громадномъ пространствѣ отъ Ферганы до Хивы и отъ Хивы до предѣловъ Индіи и Китая разница въ наружности между различными племенами узбековъ очень велика. Въ общемъ, тѣ, которые ведутъ осѣдлый образъ жизни и вмѣстѣ съ таджиками составляютъ большинство сельскаго и городского населенія, имѣютъ продолговатое лицо, прямо лежащіе глаза и окладистую, очень густую бороду. Узбеки-кочевники отличаются широкими мясистыми лицами, наискось лежащими глазами и не особенно густою растительностью на бородѣ и усахъ. Какъ тѣ, такъ и другіе выше средняго роста, хорошо сложены и очень склонны къ тучности. Среди многочисленныхъ узбекскихъ племенъ самыми старшими и благородными считаются два племени: мангытъ и кунградъ; изъ перваго вышла нынѣ царствующая династія бухарскихъ эмировъ, а изъ второго происходятъ хивинскіе ханы. Эти племена всегда пользовались въ

средне-азиатскихъ ханствахъ самыми широкими льготами и различными преимуществами сравнительно съ прочими племенами. Кочевые узбеки ведутъ совершенно такой же образъ жизни, что киргизы и туркмены. Отъ своихъ осѣдлыхъ сородичей они во многомъ имѣють разницу. Кочевникъ смѣется, когда его соплеменникъ—сельскій обыватель—строитъ себѣ домъ и занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ или торговлею. Если только у кочевника завелись деньги, то онъ спѣшитъ приобрести на нихъ оружіе и лошадей. У городскихъ и сельскихъ жителей женщины всегда выходятъ на улицу съ закрытыми лицами, у кочевыхъ же узбековъ женщины никогда не закрываютъ своихъ лицъ. Каждое племя кочевниковъ управляется особымъ старшиною, который иногда носитъ титулъ хана. Эти старшины выбираются изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей племени; отъ остального народа они отличаются только тѣмъ, что имѣють много скота, внутренность ихъ кибитокъ украшена дорогими коврами, да есть шелковый халатъ для торжественнаго дня. Во всемъ же остальномъ и богатые и бѣдные, старшины и простой народъ—все равны: въ ихъ жилищахъ и одеждѣ весьма мало различія. Все носятъ одинаковый костюмъ: такой же совершенно халатъ, какъ и у туркменъ и у киргизовъ, только узбеки почти всегда опоясываютъ свои халаты кушакомъ, голову же покрываютъ мерлушковой шапкой средней величины.

Многіе узбеки, кочующіе по среднему теченію Аму-дарьи и въ долину Зарафшана, на лѣто от-

правляются со своими стадами въ горы и тамъ остаются все время до наступленія осеннихъ холодовъ; при этомъ разстояніе не берется въ расчетъ: нѣкоторые уходятъ почти за сотни верстъ отъ родныхъ кочевьевъ.

Среди всѣхъ магометанскихъ народностей узбеки самый искренній и увлекающійся народъ; между ними меньше всего встрѣтишь равнодушныхъ къ вѣрѣ и лицемѣровъ, чѣмъ среди остальныхъ народовъ Средней Азіи. Большинство разбойниковъ, но также и почти всѣ «святыя» края, принадлежатъ къ узбекамъ.

Хотя узбеки въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій были въ Средней Азіи господствующимъ народомъ, тѣмъ не менѣе они остались простыми и честными въ сравненіи съ таджиками, изъ которыхъ состояли почти всѣ мѣстные чиновники и сборщики податей. Съ давнихъ временъ узбеки составляли самыя храбрыя, вѣрныя и надежныя арміи у азіатскихъ хановъ; преданность и вѣрность этого народа заслуживала похвалу отъ многихъ путешественниковъ. Тотъ, кто желалъ найти себѣ неподкупнаго и расположеннаго слугу, всегда нанималъ узбека. Правда, узбеки грубы, дики, но рѣдко бываютъ свирѣпы и злы, и когда до прихода русскихъ рабство было распространено въ Средней Азіи, то невольникамъ лучше было жить у узбековъ, нежели у таджиковъ. Каждый плѣнный рабъ готовъ былъ провести десять лѣтъ неволи въ домѣ узбека, чѣмъ пять лѣтъ у таджика, такъ какъ послѣдній старался его обременять самыми изнурительными ра-

ботами и обходился съ нимъ, какъ съ собакой. Гостепрѣимство—общая черта всѣхъ тюркскихъ племенъ—также въ сильной степени развито у узбековъ. Въ домѣ осѣдлаго узбека или въ кибиткѣ его кочевого соплеменника всякій гость можетъ найти себѣ пріютъ и встрѣтить самое изысканное радушіе хозяевъ. Въ отношеніи умственныхъ способностей узбеки далеко уступаютъ другимъ среднеазіатскимъ народностямъ, въ особенности евреямъ*) и таджикамъ. Вслѣдствіе своей недалковидности они теряютъ тѣ выгоды, которыя имъ могли бы доставить многія ихъ хорошія черты. Эта недалковидность узбековъ у окружающихъ ихъ народовъ обозначается словами: грубость, толстота и простота. Эти слова прилагаются къ слову «узбекъ», какъ ругательныя названія. И увертливый, ловкій и хитрый таджикъ и еврей всегда перехитрятъ и обманутъ неловкаго, грубоватаго и недалекаго узбека.

Таджики, составляющіе вмѣстѣ съ узбеками большинство городского и сельскаго народонаселенія Средней Азіи, принадлежатъ не къ тюркскому племени, а къ такъ называемому *индо-европейскому*. Къ этому племени принадлежимъ и мы, русскіе, и всѣ остальные европейцы: французы, нѣмцы, англичане и проч., а также персы и индусы, населяющіе Индію. Языкъ таджиковъ также не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ киргизовъ, туркменъ и узбековъ,—онъ очень похожъ на персидскій и со-

*) Еврей въ небольшомъ числѣ также входятъ въ составъ городского населенія Средней Азіи.

ставляет особое его нарѣчіе. По наружному виду таджики также рѣзко отличаются отъ племенъ тюркскаго происхожденія. Съ перваго взгляда легко отличить красиваго и стройнаго таджика отъ мѣш-

Равнинный Таджикъ.

коватаго, неуклюжаго киргиза или узбека. Большинство таджиковъ имѣетъ высокій лобъ, выразительные глаза съ длинными черными рѣсницами и тонкій прямой носъ. Цвѣтъ лица у нихъ румяный, волосы темнорусые, борода окладистая, густая. Костюмъ таджиковъ считается самымъ щеголеватымъ и красивымъ въ Средней Азии и введенъ здѣсь среди всего городскаго и сельскаго населенія. Онъ состоитъ изъ длинной рубашки и широкихъ

штановъ; поверхъ этого надѣвается короткій халатъ; халатъ этотъ опоясывается поясомъ, къ которому многіе сбоку привѣшиваютъ одинъ или цару ножей въ ножнахъ. Отправляясь на базаръ или выходя куда-либо на улицу, въ гости, мечеть и проч., таджикъ сверхъ этого халата надѣваетъ другой, подлиннѣе и болѣе легкій изъ хлопчатобумажной или шелковой матеріи, смотря по достатку, при чемъ матерія для верхняго халата выбирается самыхъ яркихъ, пестрыхъ цвѣтовъ. Въ лѣтнюю жаркую пору обходятся и безъ нижняго халата, щеголяя только въ одномъ широкомъ верхнемъ халатѣ, надѣтомъ прямо на рубашку. На ногахъ въ такое время почти у всѣхъ легкія, кожаныя туфли; сапоги, вообще, встрѣчаются рѣдко и притомъ отличаются необыкновенно высокими каблуками; у нѣкоторыхъ каблуки книзу такъ суживаются, что самый низъ ихъ бываетъ не больше шляпки гвоздя. На голову таджики надѣваютъ легкую шапочку, ермолку, поверхъ которой наворачиваютъ длинную (аршинъ въ 5—10) полосу матеріи, по большей части кисеи. Получается очень красиво намотанная большая шапка (чалма), которая легка для головы и потому нежарка во время лѣта.

Издавна таджики были земледѣльцами и садоводами. Ихъ поселенія въ Средней Азіи существовали за нѣсколько столѣтій до Р. Х., поэтому этотъ народъ составляетъ самое древнее населеніе Средней Азіи и притомъ самое просвѣщенное и образованное сравнительно съ остальными народностями

страны. Таджикки не отличаются воинственностью и, издавна предназначенные къ мирнымъ занятіямъ, они всюду высказываютъ склонность къ земледѣлію, торговлѣ и промышленности. Въсѣтъ съ осѣдлыми узбеками они составляютъ самое трудолюбивое и зажиточное населеніе страны. Все благосостояніе края, его цвѣтушій видъ, воздѣланныя поля, прекрасные фруктовые сады и многочисленные рынки—дѣло ихъ рукъ.

Покоренные узбеками таджикки скоро сумѣли выйти изъ тяжелаго положенія побѣжденнаго народа; они скоро освоились съ побѣдителями и мало-по-малу даже сумѣли забрать ихъ въ свои руки. Со свойственнымъ имъ умомъ и изворотливостью они захватили всѣ почти выдающіяся должности въ государствахъ узбековъ, и такъ какъ они были выше послѣднихъ по своему уму и развитію, то всегда служили учителями и примѣромъ для своихъ повелителей. Таджикки и понынѣ считаются самымъ благороднымъ туземнымъ населеніемъ страны и во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Средней Азіи осѣдлые узбеки, туркмены и другіе стараются подражать имъ своими манерами; обхожденіемъ и говорить ихъ языкомъ. Большая часть муллъ и, вообще, духовныхъ лицъ края—таджикки. Но при всѣхъ такихъ достоинствахъ и способностяхъ таджиковъ, вѣковой гнетъ тюркскихъ племенъ, частыя и опустошительныя войны сдѣлали ихъ хитрыми, боязливыми и фальшивыми. Таджикки у тюрковъ Средней Азіи извѣстны, какъ народъ скупой, корыстолюбивый, хвастливый и способный на всякую

подлость. Дѣйствительно, сравнительно съ узбекскою честностью, прямодушіемъ и откровенностью таджики не могутъ похвалиться своими нравственными качествами. Сколько пороковъ гнѣздится въ этомъ вѣжливомъ и скромномъ на видъ жителѣ Средней Азіи. Про большинство таджиковъ можно сказать, что для нихъ нѣтъ ничего святого. Какъ и всѣ средне азіатскіе народы, таджики исповѣдуютъ магометанскую религію, но они тѣмъ не менѣе плохіе мусульмане. По наружному виду таджикъ, правда, кажется набожнымъ, смиреннымъ и исполняетъ всѣ предписанія своей религіи, но на самомъ дѣлѣ все это—хавжество, лицемѣріе и самый наглый обманъ.

У таджиковъ существуетъ даже пословица: «человѣкъ долженъ казаться только вѣрующимъ, а что у него на душѣ,— до того нѣтъ никому дѣла».

Таковы въ общемъ таджики—осѣдлое населеніе селъ и городовъ средне-азіатскихъ равнинъ. Совершенную противоположность имъ представляютъ *горные таджики*, которые населяютъ Заравшанскія горы и многія горныя области Памира. Эти горцы такъ же мусульмане, какъ и ихъ равнинные сородичи и говорятъ съ ними однимъ языкомъ, но они лучше послѣднихъ сохранили чистоту своего племени, потому что издавна жили среди неприступныхъ горныхъ мѣстностей, были удалены отъ другихъ народовъ и потому не смѣшивались съ ними. Своею простотою и прямодушіемъ горные таджики представляютъ полнѣйшую противоположность лукавымъ таджикамъ равнины. Ихъ костюмъ—

длинные бѣлыя рубахи или ситцевые рваные халаты, надѣваемые обыкновенно прямо на тѣло. Въ холодное время одѣваются халаты изъ чернаго сермяжнаго сукна, покроемъ и цвѣтомъ очень напоминающіе сермяги нашихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній.

Горный Таджикиъ.

Всѣ горцы средняго роста или выше, обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; волосы у нихъ густые, черные, хотя много встрѣчается и разноволосыхъ; лица правильныя, выразительныя и по большей части съ прямымъ носомъ. Горные таджики отличаются природнымъ умомъ; съ необыкновенною легкостью усваиваютъ все для нихъ новое, очень

вѣжливы, гостепріимны и предупредительны по отношенію другъ къ другу, не говоря ужъ о чужестранцахъ.

Всѣ эти хорошія качества горцевъ, вмѣстѣ съ ихъ правдивостью, честностью и преданностью, высоко ставятъ ихъ среди прочихъ средне-азіатскихъ народовъ. Селенія горныхъ таджиковъ такъ же, какъ и ихъ равнинныхъ соотечественниковъ, называются «кишлаками». Всѣ горные кишлаки, въ общемъ, одинаковы. Каждый ютится гдѣ-нибудь въ долинѣ или же на скатѣ горы, надъ обрывомъ быстро бѣгущей горной рѣчки или потока; чрезъ воду обыкновенно переброшенъ ветхій узкій мостикъ, весь дрожащій при одномъ прикосновеніи къ нему конскаго копыта; убогія лачуги такого селенія кое-какъ сложены изъ мелкихъ камней, едва скрѣпленныхъ глиною, и совершенно безъ оконъ; ихъ плоскія крыши мѣстами поросли травою. И эту бѣдность и убожество скрашиваетъ только зелень громаднхъ деревьевъ, которыя въ изобиліи высятся во многихъ мѣстахъ среди этихъ жалкихъ построекъ; справа и слѣва уходятъ въ высь голубого неба громады горъ; вдоль стремнинъ, окруженныхъ сочною, зеленою травою, бродятъ стада овецъ, козъ и рогатаго скота. Очень часто такой кишлакъ, прилѣпившись гдѣ-нибудь на высококомъ горномъ скатѣ, окруженный обрывами и утесами, снизу крайне напоминаетъ своимъ видомъ птичье гнѣздо. Отъ одного селенія до другого ведутъ извилистыя горныя тропы; очень часто онѣ бываютъ проложены на страшной высотѣ и такъ узки, что двигаться

по такой дорожкѣ приходится бокомъ. Нерѣдко горныя тропы на вѣсколько верстъ вьются вдоль пропастей или крутыхъ обрывовъ; головоломные спуски и крутые подъемы часто пересѣкаютъ путь. Когда же приходится переходить изъ одной горной долины въ другую чрезъ высокую горную цѣпь, то дорога представляетъ еще больше трудностей. Тропа постепенно поднимается вверхъ, вьется по отвѣсамъ горныхъ скатовъ надъ пропастями и обрывами; высокіе камни, бурные ручьи часто пересѣкаютъ путь; чѣмъ выше тѣмъ становится холоднѣе, дуетъ пронзительный вѣтеръ, и наконецъ дорога идетъ уже по снѣгу; идти дѣлается страшно тяжело: воздухъ очень разрѣженъ, и потому появляется сильная одышка и усталость, тѣло покрывается обильнымъ потомъ. Снѣгъ такъ нестерпимо сверкаетъ, что, если по временамъ не закрывать глазъ, легко можно испортить зрѣніе; лицо и руки отъ ѣдкаго вѣтра и палящаго солнца трескаются до крови, кожа на нихъ дѣлается очень жесткою и пріобрѣтаетъ красно-бурый цвѣтъ. То мѣсто, гдѣ дорога доходитъ до самой вершины горы, откуда ужъ начинается спускъ внизъ, называется *переваломъ*. Путь по обыкновеннымъ горнымъ тропамъ и чрезъ перевалы не легокъ, и для непривычнаго равниннаго жителя представляетъ не малыя трудности. Только одни лишь природные горцы пѣшкомъ или на своихъ умныхъ и осторожныхъ горныхъ лошадяхъ легко и свободно двигаются по этимъ затѣйливымъ и головоломнымъ тропинкамъ. И въ ходьбѣ по роднымъ горамъ горець-таджикъ

неутомимъ, и его выносливость въ этомъ случаѣ изумительна. Пройти, напримѣръ, въ день версть 80—90 по горной тяжелой дорогѣ, притомъ отдохнувъ въ пути только разъ или два, для него дѣло самое обыкновенное.

Земледѣліемъ занимаются всюду. Въ каждомъ горномъ кишлакѣ по скатамъ горъ и плоскостямъ долинъ можно видѣть обработанные поля, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что способъ посѣва у таджиковъ Заравшанскихъ горъ нѣсколько иной, чѣмъ у прочихъ горцевъ. Вспахавъ поле, какъ и всѣ горцы, деревяннымъ плугомъ, похожимъ на нашу соху, заравшанецъ обязательно на другой день новаго года *) засѣваетъ его, при чемъ на холодъ, снѣгъ и, вообще, ненастье вниманія не обращается. Конечно, при такомъ способѣ посѣва не можетъ быть и рѣчи объ обильныхъ урожаяхъ, такъ какъ сѣмя, брошенное подчасъ въ мерзлую и покрытую снѣгомъ землю, гибнетъ и не даетъ всхода; отъ этого среди заравшанскихъ горцевъ часто происходятъ голодовки. Во время голода туземецъ отправляется въ сосѣднія болѣе плодородныя горныя области или спускается въ равнины и тамъ на скудные продукты своего хозяйства (шкуры животныхъ, шерсть и проч.) вымѣниваетъ для себя хлѣбъ. Скудость урожаевъ, бѣдность и суровость родины заставляютъ зарафшанцевъ на зиму обыкновенно отправляться на заработки въ города равнины: Самаркандъ, Ташкентъ и другіе; тамъ они исполняютъ

*) Новый годъ у всѣхъ таджиковъ начинается 8-го марта, съ перваго дня весны.

различныя земляныя работы: копають колодцы, проводятъ водопроводы и таскають тяжести.

Отхожія промыслы у горныхъ таджиковъ довольно развиты и заработокъ на сторонѣ служить большимъ подспорьемъ горцу среди его страшной нужды, въ особенности, если принять во вниманіе то обстоятельство, что у заравшанцевъ нѣтъ ни садовъ, ни огородовъ; такъ что плоды и овощи, которые могли бы быть большимъ подспорьемъ хлѣбу, здѣсь неизвѣстны.

Всѣ же остальные горцы-таджики, населяющіе горную Бухару, отличаются отъ заравшанцевъ болѣе промышленнымъ духомъ и потому живутъ безбѣдно: о голодовкахъ даже и понятія не имѣють. Причиною того своевременный посѣвъ въ первые теплые дни весны, производительность почвы, вдобавокъ хорошо унавоженной, и, главное, мягкій, теплый климатъ, которымъ отличаются всѣ почти долины нагорной Бухары. Всѣ эти благоприятныя условія способствуютъ необыкновеннымъ урожаямъ; при чемъ обиліе хлѣба и небольшой его сбытъ служатъ причиною его неслыханной дешевизны: такъ, весной 9 пудовъ пшеницы стоятъ на русскія деньги 1 р. 76 коп., къ осени же, послѣ уборки хлѣба, 1 р. 28 коп. Огороды, неизвѣстные заравшанскимъ горцамъ, есть почти у cadaго бухарскаго горца. Тѣнистые сады, полные всякихъ плодовыхъ деревьевъ и виноградниковъ, составляютъ обязательную принадлежность cadaго мѣстнаго горнаго кишлака. Кромѣ земледѣлія и садоводства здѣсь во многихъ долинахъ успѣшно

занимаются шелководствомъ, желѣзодѣлательнымъ производствомъ, разведеніемъ хлопчатника и приготовленіемъ изъ него всевозможныхъ тканей; весною и лѣтомъ промываютъ золото въ рѣкахъ, такъ какъ всѣ почти болѣе или менѣе значительныя горныя рѣки Средней Азіи несутъ въ своихъ водахъ не малое количество этого металла. Подобный разнообразный заработокъ, вмѣстѣ съ готовыми, непокупными продуктами пиши, обезпечиваетъ горцамъ безбѣдное существованіе на цѣлый годъ; кромѣ того, каждая добытая трудомъ вещь: зерно пшевицы, кусокъ шелковой или бумажной матеріи, слитокъ золота и проч. замѣняютъ туземцу монету. На эти вещи онъ покупаетъ или, вѣрнѣе, вымѣниваетъ у сосѣдей или на рынкахъ городовъ всѣ необходимыя для себя вещи; продуктами же своего труда онъ платитъ и подати въ бухарскую казну*).

Мѣстныя женщины большія мастерицы прясть, ткать, вышивать шелками и вязать чулки, покрытые разнообразными рисунками; кромѣ того, приготовленіе глиняной посуды также лежитъ на обязанности женщинъ и каждая туземка, не имѣя никакого понятія о гончарномъ колесѣ, одними лишь руками умѣетъ лѣпить изъ глины и обжигать на очагѣ самую разнообразную посуду, при чемъ по тонкости работы и по красотѣ рисунка такая посуда ничуть не уступаетъ той, которая сдѣлана

*) По Бухарскимъ законамъ подать въ казну эмира взимается натурою въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части всего количества собраннаго хлѣба или сработанныхъ вещей.

при помощи гончарнаго колеса и другихъ приспособленийъ.

Покончивъ на этомъ общемъ очеркѣ средне-азиатскихъ племенъ, перейдемъ къ прошлому и настоящему Средней Азiи.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Средней Азiи.

Во времена далекой древности Средня Азiя входила въ составъ огромнаго Персидскаго царства, которое простиралось отъ Средиземнаго моря до сѣверной Индiи и отъ р. Сыра до Индiйскаго океана. Это царство населяли персы, или иранцы *), по религiи — огнепоклонники: они поклонялись Богу подъ видомъ огня. Лѣтъ за 700 слишкомъ до Р. Х. персы находились въ зависимости отъ двухъ могущественныхъ народовъ древности: вавилонянъ и ассирiянъ, но вскорѣ отложились отъ нихъ и завоевали ихъ царство, расположенное по берегамъ рр. Тигра и Евфрата. Въ теченiе своего многолѣтняго существованiя, персидское государство, кромѣ частыхъ войнъ съ греками, римлянами и другими народами, вело непрерывную, жестокую борьбу съ ордами различныхъ кочевниковъ, кото-

*) Прямые потомки ихъ—современные персы, которые населяютъ Персiю (по-персидски „Иранъ“) и таджики въ Средней Азiи.

рыя жили на сѣверѣ страны, по берегамъ Сыръ-дарьи и вблизи сѣверныхъ окраинъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Древнія преданія персовъ называютъ этихъ кочевниковъ однимъ общимъ племенемъ—«туранцами». Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій между туранцами и иранцами длилась упорная безпощадная война. Эта борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ: поражали персы туранцевъ, одерживали побѣду и туранцы. Въ этой войнѣ болѣе всего страдала Средняя Азія, какъ самая близкая къ Турану персидская область. Она въ особенности привлекала къ себѣ хищниковъ—туранцевъ своими богатствами. Въ то отдаленное время, по сказаніямъ древнихъ писателей, Средняя Азія была людною богатою страной. Греки и римляне, два сильныхъ образованныхъ народа древности, знали эту страну, какъ самый цвѣтуцій край, который и тогда ужь былъ покрытъ обширною сѣтью оросительныхъ каналовъ, прекрасно воздѣланъ и имѣлъ образованное осѣдлое населеніе. Многія мѣстности Средней Азіи по своему живописному виду и необыкновенному плодородію почвы носили тогда различныя своеобразныя названія, такъ долина Заравшана называлось «блаженною, чистосозданною землею» (Сугдъ, Сугудъ), мѣсто, гдѣ находится Бухара, называлась на древнемъ языкѣ «даръ Всевышняго» (Бухаръ-Худать). Греческіе и римскіе купцы часто посѣщали эту страну и вели съ нею оживленную торговлю. Этому способствовало выгодное положеніе ея: она лежала въ центрѣ великихъ торговыхъ путей древняго міра: между тор-

говымъ и промышленнымъ Китаемъ, богатою Индіею, Персидскимъ царствомъ и Европою, гдѣ жили греки и римляне. Черезъ древніе торговые рынки Средней Азіи проходили китайскіе, индійскіе и европейскіе товары, она служила посредникомъ при всѣхъ, вообще, торговыхъ сношеніяхъ тогдашней Европы съ отдаленными странами Азіи. Особеннаго блеска и процвѣтанія достигъ этотъ край при персидскихъ царяхъ изъ династіи Сассанидовъ (съ 3 вѣка по Р. Х.). При нихъ она считалась одною изъ богатѣйшихъ провинцій Персіи и Сассаниды заботливо оберегали ее отъ враговъ. Въ это время туранцы, подкрѣпленные другими кочевниками, выходцами изъ Китая, все сильнѣе и сильнѣе тѣснили средне-азиатское населеніе. Когда же, въ 6 в. по Р. Х., въ персидскомъ царствѣ стали происходить внутреннія неурядицы и вскорѣ возникла долголѣтняя война персовъ съ греками, — туранцы мало-помалу оттѣснили персовъ въ Средней Азіи къ югу и начали понемногу водворяться на средне-азиатскихъ оазисахъ, но господство ихъ здѣсь было непродолжительно вслѣдствіе нашествія арабовъ (въ 7 вѣкѣ по Р. Х.). Въ это время Персія, несмотря на свои большія владѣнія, находилась въ упадкѣ: раздоры, беспорядки и различныя появившіяся религіозныя секты сѣяли въ народѣ смуту, подстрекали его къ возмущеніямъ противъ правительства; древняя вѣра пришла въ упадокъ, вельможи дѣлали, что хотѣли, такъ какъ на царскомъ престолѣ находился несовершеннолѣтній царь Іездигердъ 3-ій; къ этому еще присоединилась за послѣднее время

и бѣдственная для персовъ война съ греками. За малолѣтствомъ царя страной управляли два персидскихъ вельможи, которые находились въ смертельной враждѣ другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ думалъ лишь о томъ, какъ бы ему захватить всю власть въ свои руки и такъ или иначе привлечь народъ на свою сторону. Первые столкновѣнія арабовъ съ персами были неудачны для послѣднихъ: арабы побѣдили, захватили многіе пограничные города и въ своемъ побѣдоносномъ шествіи устремились дальше, въ глубь страны. Страхъ предъ нашествіемъ чужеземцевъ, сознаніе, что надо спасти отечество, соединили всѣхъ персовъ и заставили на время умолкнуть раздоры. Персы выставили громадное войско (до 600.000 челов.) противъ арабовъ; начальствовалъ имъ одинъ изъ вельможъ-правителей страны, богатырь Фирузанъ. Произошла рѣшительная битва; несмотря на храброе сопротивленіе, на численное превосходство, огромное персидское войско было совершенно разбито, и самъ Фирузанъ палъ въ этой кровопролитной битвѣ. Арабы устремились на столицу Персін Персеполь, смяли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ персидскіе отряды, которые вздумали было дать имъ отпоръ, разграбили Персеполь и потокомъ разлились по всему востоку. Царь Іездигердъ съ небольшимъ отрядомъ бѣжалъ въ Среднюю Азію; арабы въ погонѣ за нимъ дошли до этой страны. Іездигердъ растерялъ на пути въ безчисленныхъ стычкахъ съ непріятелемъ свое войско, съ немногими придворными искалъ спасенія въ Мервѣ, но здѣсь

былъ убитъ пріютившимъ его мельникомъ, который прельстился красивымъ платьемъ царя. Послѣ смерти Іездигерда, арабы почти не встрѣчали сопротивленія, такъ что скоро всѣ средне-азиатскія провинціи были покорены ими. Мервъ, Самаркандъ, Бухара и нынѣшняя Хива оказались въ ихъ рукахъ. Туранцы, которые вздумали было въ союзѣ съ персами дать арабамъ отпоръ, были отброшены на сѣверъ средней Азіи, за Сыръ-дарью, и надолго утратили власть въ этой странѣ. Арабы были магометане и силою принялись распространять свою вѣру въ покоренной странѣ. Скоро магометанство одержало верхъ надъ старою персидскою религіею и сдѣлалось господствующимъ во всей Персіи, въ томъ числѣ и въ Средней Азіи. вмѣстѣ съ религіею арабы внесли въ завоеванную страну и науку, заимствованную ими отъ грековъ, и распространили здѣсь свою образованность. Во времена владычества арабовъ Средняя Азія достигла небывалой славы и процвѣтанія. Такъ же, какъ и при Сассанидахъ, она считалась въ это время одною изъ богатыхъ и многолюдныхъ арабскихъ провинцій. Плодородіе мѣстной почвы вошло у арабовъ даже въ поговорку. Въ Бухарѣ, Хивѣ, Самаркандѣ и Мервѣ были выстроены великолѣпныя мечети, дворцы, училища и разныя общественныя зданія. Многіе средне-азиатскіе писатели, ученые, врачи, механики и строители славились въ то время по всему мусульманскому міру. Нѣкоторое время Средняя Азія была даже центромъ обширнаго арабскаго царства: въ Мервѣ находилась столица арабскихъ государей;

городъ въ то время былъ обстроенъ съ необыкновенною роскошью, велъ всемирную торговлю и своими многочисленными постройками и садами занималъ громадную площадь. Развалины стараго Мерва, которыя сохранились и до нашего времени, — подлѣ города того же имени, — тянутся въ глубь пустыни верстъ на 75. Арабская образованность и наука продолжали развиваться въ Средней Азіи въ теченіе почти 100 лѣтъ, пока не были снесены и уничтожены губительнымъ нашествіемъ монголовъ.

Въ 13 вѣкѣ по Р. Х. монголы и различныя родственныя имъ племена, потомки прежнихъ туранцевъ, нахлынули изъ бесплодныхъ степей центральной Азіи — съ сѣверныхъ границъ Китая подъ предводительствомъ Темучина или Чингизъ-хана. Въ это время царство арабовъ уже распалось, и въ Средней Азіи возникло сильное независимое государство *Хивинское*, или *Харезмское*. При нашествіи монголовъ на престолѣ Харезма находился Магометъ-шахъ, который владѣлъ всѣми областями Средней Азіи отъ Аральскаго моря до Индійскаго океана и отъ границъ Китая до Персіи и повелѣвалъ сотнями тысячъ воиновъ. При приближеніи монголовъ Магометъ-шахъ собралъ большое войско и поджидалъ непріятелиа вблизи береговъ Сыръ-дарьи. Несмотря на храброе сопротивленіе, монголы разбили войска Магометъ-шаха, и Чингизъ-ханъ со своимъ войскомъ перешелъ чрезъ р. Сыръ и направился прямо въ Бухару-вторую столицу харезмскихъ владыкъ. Магометъ-шахъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Почти всѣ пограничныя города по

берегамъ Сыра храбро защищались противъ монголовъ. Подъ однимъ даже городомъ монголы простояли полгода, осаждая его. Наконецъ, непокорный городъ былъ взятъ послѣ отчаянной обороны, его начальникъ былъ схваченъ и приведенъ къ Чингизу, который въ отместку за убійство своихъ воиновъ, велѣлъ залить ему глаза и уши расплавленнымъ серебромъ. Послѣ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія всѣ остальные крѣпости были также завоеваны монголами, и Чингизъ-ханъ осадилъ Бухару. Магометъ-шахъ бѣжалъ въ южныя области Средней Азіи. Послѣ нѣсколькихъ дней осады войско, защищавшее Бухару, ночью прорвалось чрезъ ряды осаждающихъ, но все погибло отъ мечей преслѣдовавшихъ его враговъ. Оставшіеся въ живыхъ продержались еще 12 дней, затѣмъ монголы сдѣлали рѣшительный приступъ, разрушили городскія стѣны и ворвались въ городъ; началось избіеніе всѣхъ жителей отъ мала до велика и грабежъ ихъ имущества. Самъ Чингизъ-ханъ проскакалъ на конѣ по залитымъ кровью улицамъ до главной мечети; не слѣзая съ лошади, онъ вѣхалъ въ нее и объявилъ здѣсь немногимъ оставшимся въ живыхъ, что они должны отнынѣ повиноваться не Магометъ-шаху, а ему. Наконецъ, послѣ грабежа и почти всеобщаго истребленія жителей, весь городъ былъ сожженъ. Магометъ-шахъ, услышавъ о паденіи Бухары, поспѣшно бѣжалъ на границы Персіи. Тамъ онъ надѣялся собрать войско и дать монголамъ отпоръ. Но Чингизъ-ханъ вовсе не думалъ дать ему отсрочку. Сейчасъ же послѣ завое-

ванія Бухары онъ осадилъ Самаркандъ и послалъ въ погоню за Магометъ-шахомъ нѣсколько своихъ отрядовъ съ строгимъ приказомъ не успокоиваться, пока они его не схватятъ.

Вскорѣ былъ взятъ и Самаркандъ, и Чингизъ-ханъ прошелъ всю Среднюю Азію и жестоко опустошилъ ее. Невооруженные жители щадились только въ случаѣ немедленной и безусловной покорности, хотя не всегда; малѣйшее сопротивленіе наказывалось избіеніемъ всего населенія, не исключая женщинъ и дѣтей; войска непріятельскія всегда вырѣзывались монголами всѣ до одного солдата. Тѣ жители, которые почему-либо были пощажены, на многіе дни и ночи изгонялись въ поле, гдѣ они и оставались безъ всякой помощи; тѣмъ же временемъ монголы безпрепятственно грабили и опустошали ихъ города и селенія. Десятки тысячъ плѣнниковъ слѣдовали за войскомъ Чингиза; съ ними обращались самымъ ужаснымъ образомъ: въ битвахъ заставляли ихъ дѣйствовать противъ ихъ же соотечественниковъ, подъ ударами которыхъ они погибали въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ отъ нужды и разнаго рода лишеній. Если монголы забирали много новыхъ плѣнныхъ и больше не нуждались въ прежнихъ, то этихъ убивали.

Женщины и дѣти дѣлались рабами или же безъ милосердія разлучались и увозились въ глубь Азіи; такая же участь постигла кушцовъ и ремесленниковъ, которые могли быть полезны монголамъ въ ихъ отечествѣ.

Монголы двигались по Средней Азіи и всюду

оставляли за собою полосу разрушенныхъ, сожженныхъ и опустошенныхъ убійствомъ мѣстностей. Въ четыре съ половиной года весь Харезмъ былъ покоренъ ими, и отлично воздѣланные оазисы, которые кормили миллионы людей, были обращены въ пустыню. Часть ихъ обитателей, которая спаслась отъ монголовъ, принуждена была въ теченіе довольно долгаго времени питаться различными нечистыми животными: собаками, кашками и т. п., такъ какъ монголы уничтожили все хлѣбныя поля. Все главные города страны: Бухара, Самаркандъ, Мервъ и столица Харезма, Хива, не говоря ужъ о другихъ городахъ и селеніяхъ, были разрушены до основанія и представляли изъ себя груды развалинъ, на которыхъ блуждали одинокіе и жалкіе люди, случайно уцѣлѣвшіе отъ истребленія. Самъ Магометь-шахъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣлъ среди-мусульманскихъ царей равнаго себѣ по могуществу, теперь скитался по странѣ съ небольшимъ отрядомъ войска, уцѣлѣвшаго отъ монголовъ. Чингизъ-ханъ преслѣдовалъ его по пятамъ и едва было не захватилъ въ плѣнъ. Наконецъ, шахъ, удрученный горемъ о потерѣ своей страны и гибели войска, преслѣдуемый монголами, нашелъ убѣжище на одномъ островѣ на Аму-дарьѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Рассказываютъ, что для его погребенія не нашлось даже савана, который у мусульманъ составляетъ необходимую принадлежность похоронъ, и его похоронили въ той же рубашкѣ, въ которой онъ умеръ.

Могущественное царство монголовъ, созданное

Чингизомъ, съ теченіемъ времени распалось на многочисленныя отдѣльныя владѣнія, независимыя другъ отъ друга. Эти небольшія царства не представляли для другихъ народовъ той опасности, какую внушала грозная имперія Чингизъ-хана при немъ самомъ или при первыхъ его преемникахъ.

Во многихъ мѣстахъ монгольскіе властители были свергнуты и замѣнены своими, избранными изъ среды народа. Монголы мало-по-малу теряли господствующее значеніе и сливались съ побѣжденными ими народами. Нашествіе Чингиза стало понемногу забываться, а если и воспоминалось порою въ разсказахъ стариковъ и преданіяхъ народныхъ, то представлялось страшнымъ, тяжелымъ сномъ.

Но въ концѣ 14 вѣка въ Средней Азіи появляется новый завоеватель, такой же грозный и безчеловѣчный, какъ и Чингизъ-ханъ. Это былъ Тимуръ, или, какъ его называли наши лѣтописи, Тамерланъ. По преданію, онъ былъ дальнимъ потомкомъ Темучина и родился въ семьѣ какого то мало извѣстнаго монголо-тюркскаго князька, который владѣлъ незначительною областью на югѣ отъ Самарканда. Молодость Тимура прошла очень бурно. По смерти отца онъ нѣсколько времени управлялъ своимъ княжествомъ, но скоро притѣсненія болѣе сильныхъ сосѣдей заставили его покинуть родину и скитаться въ приамударьинскихъ степяхъ, гдѣ онъ съ многочисленной шайкой изъ различныхъ бродячихъ тюрковъ и монголовъ грабилъ караваны купцовъ и нападалъ на города и селенія. Самаркандскій ханъ выслалъ противъ Тимура вой-

ско, но послѣдній разбилъ его и сумѣлъ распространить страхъ и ужасъ среди населенія. Скоро Тамерланъ освободилъ свою родину отъ непріятеля и опять занялъ свой престолъ.

Въ это время населеніе заравшанскихъ и амударьинскихъ оазисовъ было разбито на мелкія ханства; Тимуръ воспользовался этимъ и умно и искусно повелъ дѣло завоеваній этихъ ханствъ. Чтобы не дать отдѣльнымъ владѣтелямъ соединиться противъ него, Тамерланъ всячески старался посягать между ними вражду и раздоръ. Это ему удалось, и въ короткое время Тимуръ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ страны въ междурѣчьяхъ Сыра и Аму и къ югу, до предѣловъ Индіи. Затѣмъ онъ устремился на юго-западъ и вторгнулся въ Персію, разгромилъ ее и прилегающія къ ней страны: Афганистанъ, Закавказье, Грузію и Арабистанъ, мѣстность на берегахъ Тигра и Евфрата. Въ этомъ многолѣтнемъ походѣ Тимуръ получилъ извѣстіе, что его данникъ, ханъ Золотой Орды Тохтамышъ, въ союзѣ съ хивинскимъ ханомъ, напалъ на его владѣнія.

Тамерланъ, возвратясь въ свою столицу Самаркандъ, разорилъ Хиву, нанесъ страшное пораженіе Тохтамышу и жестоко опустошилъ улусы (селенія) Золотой Орды. Послѣ этого погрома Золотая Орда, а вмѣстѣ съ нею и данница ея, Россія, вошли въ составъ Тамерлановой имперіи. Вскорѣ Тимуръ покорилъ богатую Индію и двинулся въ Малую Азію, гдѣ тогда было могущественное турецкое царство. Султанъ турецкій, Баязеть, наво-

диль ужасъ своими побѣдами на грековъ и другихъ сосѣднихъ народовъ; услыхавъ о приближеніи, Тимура онъ сталъ готовиться къ битвѣ. Встрѣча двухъ знаменитыхъ полководцевъ тогдашняго вѣка произошла подлѣ одного малоазійскаго города. По преданію, у обоихъ было около милліона солдатъ. Сраженіе было упорное и кровопролитное. Не помогла Баязету и его храбрая, испытанная гвардія и его надежные, стойкіе въ бояхъ сербскіе отряды: его войско было разбито на голову, и самъ султанъ попалъ въ плѣнъ. Тамерланъ, по преданію, приказалъ посадить Баязета въ деревянную клѣтку и возить за собою.

Съ огромною добычею и множествомъ плѣнныхъ вернулся Тимуръ въ Самаркандъ. Въ теченіе почти цѣлаго года онъ праздновалъ здѣсь свою побѣду надъ Баязетомъ пирами и различными увеселеніями. Три года Тамерланъ мирно жилъ въ своей столицѣ, отдыхая послѣ многолѣтнихъ походовъ и завоеваній. Въ 1405 году Тимуръ собралъ военный совѣтъ, на которомъ сказалъ: «много мы пролили мусульманской крови и много зла принесли правовѣрнымъ. Надо загладить это: пойдите въ Китай избивать язычниковъ». И съ огромнымъ войскомъ Тамерланъ выступилъ въ походъ, но, дойдя до границъ Китая, онъ внезапно заболѣлъ и умеръ. Его трупъ завернули въ драгоцѣнные ковры и привезли въ Самаркандъ, гдѣ торжественно и похоронили.

При всемъ безчеловѣчїи, съ которымъ Тимуръ велъ свои войны, онъ стремился къ тому, чтобы его родина, Средняя Азія, была цвѣтущимъ краемъ. По-

этому Тамерланъ всячески покровительствовалъ земледѣлю и торговлѣ. Науки, различныя искусства и ремесла особенно цѣнились Тимуромъ. Въ каждой вновь завоеванной странѣ онъ приказывалъ щадить художниковъ, писателей и разныхъ ремесленниковъ; всѣ такія лица препровождались въ Самаркандъ, и имъ давались тамъ соотвѣтствующія занятія. Благодаря этому, столица Тамерлана украсилась великолѣпными зданіями, которымъ удивлялись современники. Персидскіе и другіе художники и строители по приказу Тимура выстроили въ Самаркандѣ и другихъ городахъ множество прекрасныхъ мечетей, училищъ, дворцовъ и дачъ; которые снаружи и внутри были облицованы разноцвѣтными обливными кирпичами. Въ настоящее время сооруженія Тамерлана и его преемниковъ всѣ почти сохранились, хотя отъ частыхъ землетрясеній, войнъ и отъ времени частію разрушились, частію покачнулись и грозятъ паденіемъ, но большинство все еще твердо стоитъ и своими разноцвѣтными стѣнами наоминаетъ времена Тимура. Гробница его находится въ особомъ склепѣ, который представляетъ собою громадное зданіе, увѣнчанное красивымъ голубымъ изразцовымъ куполомъ. Самая гробница сдѣлана изъ чернаго полированного камня; въ изголовьѣ стоитъ боевое знамя Тимура.

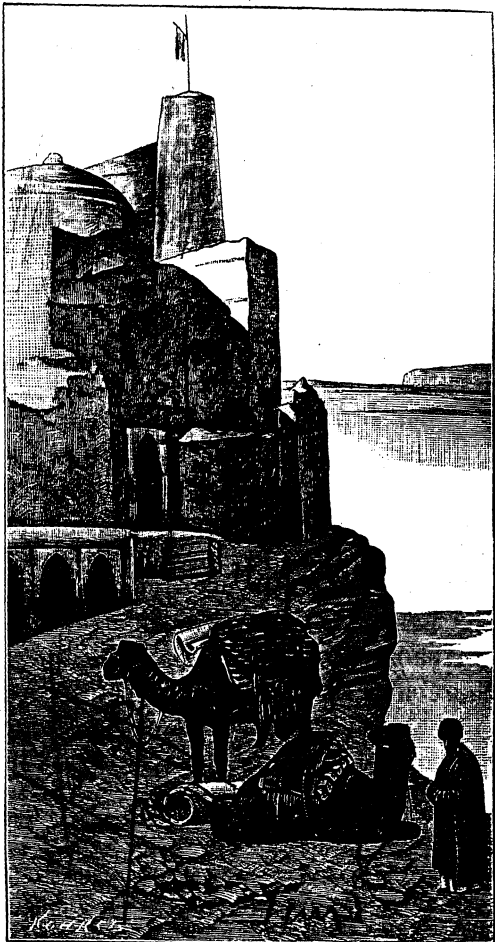
Вокругъ Тамерлана подъ чугунными плитами покоятся: его учитель, нѣкоторыя изъ его женъ, сынъ, внукъ и другіе потомки. Нижняя часть стѣнъ склепа облицована зеленоватымъ цѣннымъ камнемъ, *ашмою*. Выше идутъ надписи; одна изъ нихъ гла-

ситъ: «если бы я еще былъ живъ, мiръ трепеталъ бы отъ ужаса!»

Бывшій дворець Тимура нынѣ обращенъ русскими въ больницу для военныхъ. По срединѣ одного изъ его дворовъ лежитъ большой камень бѣлаго мрамора. Этотъ камень Тимуръ привезъ изъ Турціи, и онъ служилъ ему треномъ.

Послѣ Тимура всѣ его преемники приходили возсѣсть на этотъ каменный престолъ, чтобы вступить въ обладаніе царствомъ, и въ это же время палачъ передъ камнемъ отрубалъ головы ханскимъ родственникамъ, которые осмѣливались оспаривать престолъ у законнаго наслѣдника. Послѣ смерти Тамерлана его царство скоро распалось. Потомки Тимура, такъ называемые тимуриды, властвовали въ Средней Азiи только до 16-го вѣка. Въ это время въ Среднюю Азiю вторгнулись узбеки — выходцы изъ Золотой Орды. Они прогнали тимуридовъ и завладѣли всей страной. Узбеки не основали ни одного прочнаго царства, а подѣлили весь покоренный ими край на отдѣльныя области (удѣлы); каждую областю управлялъ особый правитель. Одинъ изъ такихъ удѣльныхъ владѣльцевъ, обыкновенно старшій въ родѣ, избирался главою надъ остальными. Удѣлы переходили изъ рода въ родъ или же жаловались старшимъ ханомъ. Впослѣдствіи частыя междоусобія отдѣльныхъ правителей повели къ раздробленію страны на отдѣльныя владѣнія, вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга ханствъ: Бухарское, Хивинское, Коканское и другія болѣе мелкія. Сношенія русска-

го правительства съ этими ханствами начались съ XVIII вѣка. Эти сношенія были мирнаго характера, большею частью торговая, и караваны бухарскихъ и хивинскихъ купцовъ часто приходили въ Оренбургъ, гдѣ сбывали свои товары и забирали русскіе. Средне-азиатскіе купцы посѣщали также Макарьевскую ярмарку и имѣли тамъ свои подворья и лавки. Раньше однако дружественныхъ сношеній русскаго правительства съ ханствами,

Средне-азиатская крѣпость.

уральскіе и донскіе казаки, которые представляли собою разбойничью вольницу, неоднократно тревожили своими нападёніями Хиву, но всякій разъ почти съ большими потерями отражались хивинцами, или, какъ часто случалось, хивинцы собирались въ большомъ числѣ, окружали казацкіе отряды и всѣхъ казаковъ вырѣзывали или забирали въ плѣнъ. Но казацкіе набѣги въ большинствѣ случаевъ дѣлались безъ вѣдома русскаго правительства, и потому хивинцы никогда не искали на казаковъ суда и расправы у русскаго правительства. Первое наступательное движеніе русскихъ на Среднюю Азію, которое совершилось по царскому указу, было при Петрѣ Великомъ. Это произошло по слѣдующему случаю. Въ Петербургъ пріѣхалъ одинъ именитый туркменъ и донесъ царю, что въ устьяхъ Амударьи добывается золото, и что хотя рѣка эта отведена хивинцами въ Аральское море*), но если перекопать плотину, ее можно будетъ отвести въ прежнее русло, въ чемъ русскимъ будутъ помогать и туркмены. Петръ Великій заинтересовался этими свѣдѣніями и пожелалъ овладѣть устьями Аму; для этого онъ отправилъ около 6.000 войска подъ начальствомъ князя Бековича - Черкаскаго. Князю былъ данъ наказъ построить крѣпость у устья

*) По древнимъ свѣдѣніямъ, Амударья, дѣйствительно, текла когда-то въ Каспійское море, но съ теченіемъ времени повернула къ сѣверу и вылилась въ Аральское море. Старое русло Аму видно до сихъ поръ. Мѣста подлѣ нынѣшняго устья Амударьи золотonosны, и Петръ Великій захотѣлъ отвести рѣку въ прежнее ея русло и на обсохшемъ устьѣ заняться добываніемъ золота.

Аму-дарьи и склонить хана хивинскаго къ подданству Россіи, для чего Петръ послалъ отъ себя хану письмо, въ которомъ увѣрялъ его въ своей дружбѣ и расположеніи. Бековичъ-Черкасскій посадилъ свое войско на суда и поплылъ внизъ по Волгѣ и потомъ по Каспійскому морю, гдѣ и присталъ къ восточному берегу этого моря. Здѣсь князь основалъ три крѣпости и оставилъ въ каждой изъ нихъ по небольшому отряду войска, затѣмъ сухимъ путемъ, вокругъ Каспійскаго моря, онъ вернулся въ Астрахань. Отсюда въ концѣ апрѣля 1719 года Бековичъ съ отрядомъ около 4.000 человекъ выступилъ въ Хиву. Два мѣсяца шли до перваго рукава Аму-дарьи.

Мѣстность была крайне пустынная, безводная и безплодная; къ тому же стояли очень жаркіе дни. Вьючный и подъемный скотъ (верблюды и лошади) то и дѣло падали. Приходилось бросать по дорогѣ провіантъ, всякаго рода припасы и даже людей.

Однако, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, походъ былъ доведенъ до конца и русскіе остановились вблизи Аму-дарьи, въ 150 верстахъ отъ Хивы. Здѣсь хивинскій ханъ съ 24 тысячнымъ войскомъ неожиданно сдѣлалъ нападеніе на нашъ лагерь, но былъ отбитъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду хивинцы повторяли нападенія, но каждый разъ были отбиваемы. Наконецъ, они отступили и завели переговоры, во время которыхъ опять нападали на лагерь. Ханъ каждый разъ объявлялъ, что нападеніе было сдѣлано безъ его вѣдома и предлагалъ миръ, который былъ принятъ

кн. Черкасскимъ и утвержденъ съ обѣихъ сторонъ клятвою. Затѣмъ кн. Черкасскій съ 700 казаками отправился въ лагерь хана, гдѣ и передалъ ему письмо Петра и царскіе подарки, потомъ вмѣстѣ съ ханомъ отправился въ Хиву, гдѣ и рассчитывалъ приступить къ выполненію царскаго приказа. Русское войско также слѣдовало за хивинцами. Не доходя до города, ханъ предложилъ князю раздѣлить русское войско на небольшіе отряды и помѣстить на стоянки въ ближайшихъ окрестностяхъ Хивы, такъ какъ «въ одной Хивѣ»,—говорилъ ханъ, «трудно размѣстить и продовольствовать весь отрядъ». Князь, ничего не подозрѣвая, раздѣлилъ свое войско на пять частей и отправилъ ихъ съ узбеками на квартиры, а потомъ и изъ своего отряда отослалъ 500 человекъ, оставивъ при себѣ только 200. Едва произошло это раздѣленіе, хивинцы внезапно бросились на русскихъ, значительную часть ихъ изрубили, а другихъ взяли въ плѣнъ и обратили въ рабство.

Лишь немногимъ оставшимся въ живыхъ удалось вернуться на родину. Самъ князь былъ звѣрски умерщвленъ: съ него содрали кожу, набили сѣномъ и послали въ подарокъ Бухарскому эмиру. Русскія войска, которыя находились въ крѣпостяхъ, построенныхъ Бековичемъ-Черкасскимъ на берегахъ Каспійскаго моря, не только не принимали никакого участія въ походѣ князя на Хиву, но и сами находились въ печальномъ положеніи. Въ первое же лѣто умерло болѣе тысячи солдатъ, такъ что во всѣхъ отрядахъ оставалось здоровыхъ только 200

человѣкъ и больныхъ 700 человекъ. Начальники отрядовъ, видя все увеличивающуюся смертность среди солдатъ, постоянно тревожили нападеными туркменъ и не получая послѣ гибели князя Бековича - Черкаскаго никакихъ приказаній изъ Россіи, рѣшили вернуться въ Астрахань и этимъ спасти отъ гибели остатки своихъ отрядовъ. Они собрались всѣ вмѣстѣ и отплыли изъ Красноводскаго укрѣпленія на нѣсколькихъ имѣвшихся на нихъ судахъ. Но буря разнесла эти суда и большую часть ихъ потопила, при чемъ погибло до 400 человекъ, остальные же были занесены въ разныя мѣста, гдѣ и зазимовали, проводя время въ страшной нуждѣ и лишеніяхъ, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, и только въ слѣдующемъ году, весною (1718 г.), прибыли въ Астрахань.

Спустя двѣнадцать лѣтъ (1730 г.) послѣ этого неудачнаго похода, киргизы, которые до этого времени были независимы, стали просить русское правительство—принять ихъ въ подданство. Они ссылались при этомъ на постоянныя притѣсенія и обиды со стороны хивинцевъ, бухарцевъ и другихъ азіатскихъ народностей. Просьба киргизовъ была принята и они принесли присягу на вѣрность Россіи. Но добрыя отношенія киргизовъ съ русскими властями продолжались недолго. Возникли взаимныя недоразумѣнія и препирательства изъ-за налоговъ и земель—и впродолженіе ста лѣтъ тянулась почти непрерывная борьба русскихъ съ киргизскими племенами. Въ это время была построена длинная

цѣпь казачьихъ укрѣпленій на границахъ киргизскихъ степей, съ цѣлью оградить русскія владѣнія отъ киргизскихъ набѣговъ. Выдѣленные за границу государства киргизы оставались попрежнему независимыми: на принесенную присягу не обращали вниманія, не платили податей и не несли никакихъ обязанностей по отношенію къ русскому правительству. Хань, которыхъ возводили русскіе, были свергаемы своими подданными, или же сами поднимали возстаніе противъ Россіи. Часто возникали войны между отдѣльными киргизскими племенами и побѣжденные обращались къ защитѣ Россіи. Русское правительство мирило ссорившихся или же заступалось за обижаемыхъ. Кромѣ того, киргизы не однократно нападали на русскихъ подданныхъ—башкировъ и калмыковъ—и производили среди нихъ ужасныя избіенія, тѣ въ свою очередь платили тѣмъ же, и въ кровопролитныхъ войнахъ сплошь да рядомъ обѣ стороны не отличали друзей отъ враговъ и заодно грабили и разоряли русскія селенія. Этими неурядицами въ киргизскихъ степяхъ ловко пользовались хивинскіе, бухарскіе и коканскіе ханы: они раздували вражду между кочевниками, подстрекали ихъ къ возмущеніямъ противъ русскихъ, словомъ,—всячески старались вредить Россіи.

Въ 1839 году русское правительство сдѣлало попытку прочно утвердиться въ киргизскихъ степяхъ и положить въ нихъ конецъ всѣмъ неурядицамъ, для этого рѣшено было покончить съ Хивою; въ которой видѣли все зло, такъ какъ это хан-

ство издавна враждебно относилось къ Россіи и возмущало противъ нея подданныхъ ей кочевниковъ; кромѣ того, имѣлось въ виду дать свободу нашей торговлѣ, проложить путь въ Индію и освободить нашихъ плѣнныхъ, которыхъ киргизы продавали въ Хиву. Начальникомъ похода былъ назначенъ государемъ Николаемъ Павловичемъ генералъ Перовскій. Войска было собрано около 6.000 человекъ. При отрядѣ находился огромный обозъ съ продовольствіемъ; чтобы везти всю кладь, потребовалось, кромѣ множества лошадей, болѣе 12.000 верблюдовъ, при которыхъ состояло до 2.500 верблюдовожатыхъ киргизовъ. Въ концѣ осени отрядъ выступилъ изъ Оренбурга въ степи. Холодное время было выбрано потому, что зимою по снѣгу походъ черезъ степи сдѣлать легче, чѣмъ лѣтомъ при безводьи и страшной жарѣ. Но этотъ походъ окончился полнѣйшею неудачею. Вскорѣ по выступленіи въ путь начались ужасные морозы, поднялись вьюги и метели; къ тому же явился недостатокъ корма для лошадей и верблюдовъ, влѣдствіе чего животныя падали сотнями. Перовскій отправилъ одного изъ офицеровъ собирать верблюдовъ у киргизовъ, кочевавшихъ въ степяхъ, но послѣдніе схватили этого офицера и продали въ Хиву. Начались нападенія мелкихъ киргизскихъ отрядовъ на нашъ лагерь; верблюдовожатые киргизы, находившіеся при отрядѣ, взбунтовались и вышли изъ повиновенія, такъ что пришлось даже нѣкоторыхъ изъ нихъ разстрѣлять. Въ этомъ тяжеломъ обстоя-

тельствамъ присоединились еще болѣзни и смертность на людяхъ.

Больше всего умирали отъ цынги и горячки. До Хивы же по расчету, оставалось еще 2½ мѣсяца пути, а припасовъ было только на мѣсяць; люди и оставшіяся животныя были страшно изнурены и обезсилены. Рѣшено было возвратиться обратно въ Оренбургъ. Вслѣдствіе различныхъ остановокъ въ пути и медленнаго движенія ослабѣвшаго войска, Перовскій прибылъ съ остатками своего отряда въ Оренбургъ только на другой годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Потери, понесенныя въ этомъ походѣ, были ужасны: около 3-хъ тысячъ людей, до 9.000 верблюдовъ и множество лошадей погибли въ пути отъ холода, голода, болѣзней и другихъ лишеній; оставшіеся въ живыхъ возвратились въ Оренбургъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Этотъ неудачный походъ нашихъ войскъ заставилъ русское правительство подчинить себѣ киргизовъ другимъ путемъ, а именно оцѣпить ихъ укрѣпленіями.

Съ этою цѣлью въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ на берегахъ Аральскаго моря, около устьевъ Сыра, было построено нѣсколько крѣпостей, гдѣ были посажены отряды солдатъ. Они должны были наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ степяхъ и при набѣгахъ кочевниковъ на русскую границу выступать въ походъ противъ хищниковъ. Киргизы оказались окруженными русскими почти со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера киргизскихъ степей находились сибирскія казачьи крѣпости, на западѣ

и сѣверо-западѣ—укрѣпленія, занятыя уральскими и оренбургскими казаками и на югѣ—при устьяхъ Сыръ-дарьи—рядъ вновь воздвигнутыхъ крѣпостей.

Благодаря этому, дѣйствительно, набѣги кочевниковъ на русскую границу прекратились; киргизы успокоились и не прошло 25 лѣтъ (въ 1869 г.), какъ на всемъ протяженіи ихъ степей введено было русское управленіе и появились русскіе города и селенія. Но это умиротвореніе киргизовъ и постройка нами укрѣпленій на берегахъ Сыръ-дарьи пришлось не по вкусу хивинцамъ и коканцамъ, владѣнія которыхъ теперь стали соприкасаться съ русскими землями. Съ переходомъ большинства киргизовъ въ русское подданство хивинцы и коканцы лишались значительныхъ доходовъ, такъ какъ они до этого безпрепятственно собирали подати съ кочевниковъ въ свою пользу. Чтобы вернуть утраченную власть надъ киргизами, хивинцы и коканцы стали употреблять всѣ усилія, какъ бы удалить русскихъ изъ степей. Начались безпрестанныя нападенія узбековъ и подвластныхъ имъ туркменъ на русскія крѣпости и на кочевья мирныхъ киргизовъ. Русскіе неоднократно наносили пораженія хищникамъ, но набѣги не прекращались. Мало того, хивинцы и коканцы стали подстрекать киргизовъ, которые кочевали въ ихъ владѣніяхъ, къ набѣгамъ на киргизовъ—русскихъ подданныхъ. Изъ этихъ народовъ особенно беспокоили русскихъ коканцы, вслѣдствіе чего съ ними и пришлось прежде всего считаться русскимъ войскамъ. На правомъ

берегу Сыръ-дарьи находилась коканская крѣпость Ак-мечеть; засѣвшіе въ ней коканцы постоянно тревожили своими нападеніями русскія владѣнія.

Въ 50-хъ годахъ генераль Перовскій двинулся съ небольшимъ отрядомъ къ этой крѣпости и послѣ отчаяннаго сопротивленія Акъ-мечеть была взята и занята русскими. Въ томъ же году коканцы попытались отнять Акъ-мечеть обратно и ихъ войско въ 13.000 человекъ подступило къ крѣпости, которая въ это время еще не была, какъ слѣдуетъ, поправлена и потому не могла выдерживать осаду. Начальникъ русскаго отряда подполковникъ Обручевъ, съ 500 солдатъ бросился на непріятеля, опрокинулъ его нестройныя толпы, и захватилъ весь лагерь и всѣ орудія коканцевъ. Непріятель потерялъ до 2.000 человекъ убитыми и ранеными, тогда какъ потери русскихъ были очень незначительны. За такую храбрость подполковникъ Обручевъ былъ произведенъ прямо въ генералы. Это было первое громкое дѣло нашихъ войскъ въ Средней Азій. Цѣлыхъ семь лѣтъ коканцы сидѣли смиренно и только въ 1860 году рискнули еще разъ попытать счастья въ войнѣ съ русскими. На этотъ разъ они напали на одну сибирскую пограничную крѣпость, но были отбиты, и велѣдъ затѣмъ русскіе въ этомъ же году взяли двѣ значительныхъ коканскихъ крѣпости и нанесли жестокое пораженіе двадцатитысячной коканской арміи. Это была вторая замѣчательная побѣда. Въ 1863 году русскія войска начали наступательное движеніе противъ коканскаго ханства. Войска шли со стороны

Сибири и отъ Сыръ-дарьинскихъ укрѣпленій. Сибирскими отрядами командовалъ полковникъ Черняевъ, а Сыръ-дарьинскимъ—полковникъ Веревкинъ. Скоро Веревкинъ взялъ приступомъ сильную неприятельскую крѣпость Туркестанъ, а Черняевъ въ это время нанесъ коканцамъ нѣсколько сильныхъ поражений и взялъ ихъ двѣ сильнѣйшихъ и неприступныхъ крѣпости, Аулія-ата и Чимкентъ. За эти воинскія доблести Черняевъ былъ награжденъ чиномъ генерала и назначенъ генералъ-губернаторомъ *Туркестанской области*, — такъ были названы по Высочайшему повелѣнію всѣ земли, отбитыя у коканцевъ. Съ паденіемъ Туркестана, Аулія-ата и Чимкента былъ открытъ путь и къ Ташкенту, одному изъ главныхъ городовъ Коканскаго ханства. Въ Ташкентѣ находилось до 30.000 войска и 200.000 жителей, которые также могли принять участіе въ оборонѣ города, окруженнаго къ тому крѣпкою стѣною, длиною въ 24 версты.

Весною 1865 года Черняевъ выступилъ въ походъ противъ Ташкента съ отрядомъ около 2.000 человекъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города русскіе разбили на голову самого правителя Коканскаго ханства, Муллу-Алимъ-Кула съ 7.000 отличо вооруженнымъ войскомъ и гнали коканцевъ до самыхъ стѣнъ Ташкента.

Въ этомъ сраженіи Мулла-Алимъ-Куль былъ убитъ.

Послѣ смерти своего правителя жители Ташкента отправили посольство къ Бухарскому эмиру съ просьбою оказать имъ помощь и принять городъ

въ свое подданство, часть же горожанъ желала перейти къ русскимъ. Произошли несогласія. Между тѣмъ отъ Эмира пришелъ отвѣтъ, что онъ, Эмиръ, не совѣтуетъ ташкентцамъ сдаваться русскимъ, такъ какъ онъ имъ скоро окажетъ помощь. Генераль Черняевъ въ это время разъѣзжалъ въ окрестностяхъ Ташкента, выбирая мѣсто, откуда удобнѣе было бы идти на приступъ.

Наконецъ, въ ночь съ 14 на 15 іюня рѣшенъ былъ штурмъ города. На зарѣ нѣсколько передовыхъ ротъ подошли къ крѣпости и съ громкимъ крикомъ *ура!* бросились впередъ; не давъ опомниться неприятелю, сбросили его со стѣны вмѣстѣ съ орудіями и проникли въ городъ. На улицахъ завязался жаркій и упорный бой. Коканцы на всѣхъ перекресткахъ, въ закоулкахъ и въ наиболѣе узкихъ улицахъ дѣлали завалы изъ дерева, камней и земли и, засѣвъ за ними, встрѣчали русскихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Поэтому каждую пядь земли приходилось брать съ бою, на каждый такой завалъ приходилось идти приступомъ и выгонять оттуда неприятеля штыками.

Русскія пушки, ввезенныя въ городъ, открыли по улицамъ пальбу, которая и продолжалась всю ночь. Прошли еще сутки упорнаго сопротивленія и, наконецъ, 17 іюля 1865 года, Ташкентъ окончательно сдался генералу Черняеву. Явились всѣ почетныя лица города съ изъявленіемъ полной готовности подчиниться русскому правительству; жители были обезоружены. Большинство туземнаго

войска успѣло разбѣяться. Русскимъ досталось нѣсколько непріятельскихъ знаменъ, пушекъ, множество ружей, холодное оружіе и пр.

Съ паденіемъ Ташкента коканцы перестали воевать съ русскими, но на смѣну имъ выступили бухарцы. Кто ихъ надуми ть стать на защиту коканцевъ—неизвѣстно, но они возстали и жестоко заплатились за это. Первыя ихъ заявленія, предъявленныя генералу Черняеву, состояли въ требованіи покинуть Ташкентъ и Чимкентъ и уйти во свояси, въ противномъ случаѣ намъ грозили «священною войною», т.-е. возстаніемъ всѣхъ мусульманъ. Въ отвѣтъ на это Черняевъ арестовалъ бухарскихъ купцовъ, которые проживали въ занятыхъ нами городахъ, и затѣмъ просилъ распространить эту мѣру и на Оренбургскій край. Эмиръ между тѣмъ занялъ Коканъ и посадилъ тамъ на ханскій престолъ своего родственника, Худояр-хана, такъ какъ со смертію Муллы-Алимъ-Кула въ Коканѣ не было правителя. Все дѣло стояло за тѣмъ, что бухарцы не хотѣли вести переговоровъ съ Черняевымъ и настаивали на непосредственныхъ сношеніяхъ съ Высочайшимъ дворомъ, чего наше правительство допустить не желало и бухарскій посолъ, поѣхавшій въ Петербургъ, былъ на пути задержанъ въ Россіи. Чтобы поставить такъ или иначе на своемъ, бухарцы придумали очень искусный способъ: они стали просить Черняева прислать въ Бухару посольство изъ офицеровъ для переговоровъ. Черняевъ, ничего не подозрѣвая, охотно отправилъ къ эмиру нѣсколько офи-

церовъ съ значительнымъ конвоемъ. Заполучивъ въ свои руки русское посольство, эмиръ заговорилъ по-другому: онъ потребовалъ, чтобы его посла пропустили дальше и общалъ отпустить русскихъ офицеровъ только тогда, когда его посольство благополучно вернется изъ Петербурга въ Бухару. Такимъ образомъ посольство превратилось въ заложниковъ. Чтобы выручить это посольство генералъ Черняевъ въ концѣ 1866 года предпринялъ было походъ на бухарскія владѣнія, но къ веснѣ онъ былъ отозванъ въ Петербургъ и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Романовскій. Тою же весною Романовскій открылъ военныя дѣйствія противъ бухарцевъ. Событія слѣдовали быстро одно за другимъ. Въ какіе-нибудь 5 мѣсяцевъ бухарцы потерпѣли нѣсколько жестокихъ поражений и потеряли нѣсколько крѣпостей.

{ Вскорѣ затѣмъ изъ всѣхъ новопріобрѣтенныхъ земель былъ образованъ особый военный округъ, начальникомъ его былъ назначенъ генералъ Кауфманъ, которому было дано Государемъ Императоромъ полномочіе вести переговоры и заключать условія со всѣми ханами и независимыми владѣтелями Средней Азіи. Съ эмиромъ бухарскимъ завязались мирныя сношенія: послѣдній сталъ очень часто обмѣниваться посольствами съ генераломъ Кауфманомъ. Но миръ и доброе согласіе съ бухарцами продолжались недолго. Бухарцы перестали соблюдать прежде заключенные мирные договоры, опять на всей русской границѣ съ Бухарою появились многочисленныя шайки, грабившія русскихъ под-

данныхъ. Противъ нихъ были высланы войска, было также послано и эмиру предупрежденіе, что если нападенія на русскую границу будутъ продолжаться,—русскіе принуждены будутъ объявить войну. Вскорѣ генераль-губернаторомъ было получено извѣстіе, что эмиръ готовится къ войнѣ и ищетъ себѣ союзниковъ среди другихъ средне-азіатскихъ хановъ. Наученный горькимъ опытомъ прежнихъ неудачъ, эмиръ, какъ видно, не рѣшался выступить еще разъ противъ русскихъ, не заручившись прежде союзниками. Но его искательства у прочихъ владѣтелей Средней Азіи не повели ни къ чему: ханъ коканскій, Худояръ, отклонился отъ союза съ эмиромъ подъ предлогомъ, что въ случаѣ неудачи Кокану первому придется раздѣляться, англичане же и турецкій султанъ (эмиръ думалъ также получить и отъ нихъ помощь) отвѣтили, что не желаютъ ссориться съ Россіей. Между тѣмъ мусульманское духовенство въ Бухарѣ настойчиво требовало, чтобы эмиръ объявилъ русскимъ войну и грозили ему, что если онъ этого не сдѣлаетъ, его свергнутъ съ престола. Эмиръ, поставленный въ безвыходное положеніе, объявилъ, наконецъ, войну (въ 1868 г.). Русскій отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Самарканду, второй столицѣ бухарскаго ханства, гдѣ коронуются на царство всѣ эмиры Бухары. Подлѣ этого города были собраны многочисленныя отборныя бухарскія войска, которыя и встрѣтили подошедшій русскій отрядъ сильнымъ огнемъ. Послѣ жаркаго боя бухарцы были разбиты наголову; жители Самарканда заперли ворота города и

Мечеть Шахъ-Зейзе въ Самаркандѣ.

не пустили къ себѣ бѣжавшихъ съ поля битвы бухарцевъ, а на другой день прислали къ намъ по-

сольство, съ просьбою принять городъ подъ покровительство Россіи и защитить его отъ мести бухарцевъ, грозившихъ жителямъ за вчерашній поступокъ. 2-го мая 1868 г. совершилось торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ лѣтнюю резиденцію бухарскихъ эмировъ, древнюю столицу Тамерлана и первопрестольный городъ бухарскій. Съ паденіемъ Самарканда бухарцы, разбитые еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, окончательно смирились и подчинились всѣмъ требованіямъ русскаго правительства. 29-го іюня того же года съ эмиромъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому къ Россіи присоединялся обширный Самаркандскій округъ; русскія и бухарскія владѣнія были разграничены и эмиръ обязывался уплатить въ теченіе года 500.000 рублей золотомъ и слѣдить, чтобы разбойничьи шайки его подданныхъ не переходили предѣловъ русскихъ владѣній. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того было покончено съ Хивою—ничтожнымъ ханствомъ на низовьяхъ Аму-дарьи съ населеніемъ въ 300.000 душъ. Побѣды русскихъ войскъ въ войнѣ съ коканцами и бухарцами не произвели на Хиву никакого впечатлѣнія: хивинцы попрежнему подстрекали киргизовъ на различные грабежи и нападенія на русскія селенія и даже пограничныя крѣпости; неоднократно и сами хивинцы появлялись на русской границѣ и грабили проѣзжавшіе караваны, угоняли табуны и уводили въ плѣнъ людей. Генераль-губернаторъ Кауфманъ пытался вразумить хивинскаго хана, прося, чтобы подобные случаи болѣе не повторялись, и чтобы съ виновныхъ было

взыскано. «Подобныя дѣйствія бывали и прежде со стороны Кокана и Бухары, и вамъ извѣстны послѣдствія», писалъ хану генераль-губернаторъ, но ханъ на всѣ эти мирныя предостереженія не обращалъ вниманія. Наконецъ, весною 1873 года рѣшено было покончить съ Хивою; одновременно выступили войска со стороны Кавказа, Оренбурга и Туркестана подъ руководствомъ туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана. Туркестанскія войска выступили изъ г. Ташкента въ марѣ мѣсяцѣ, и къ началу мая достигли хивинскихъ владѣній, пройдя до Хивы 900 верстъ. Во время пути отрядъ чрезвычайно страдалъ отъ недостатка воды, зноя и изнуренія, особенно терпѣли солдаты въ пустыни Кара-Кумъ (Черные пески). Эти безводные пески страшны не только для человѣка, но и для привычнаго къ пустынямъ верблюда. По зыбучимъ пескамъ, накаленнымъ знойнымъ солнцемъ, пробираться было тяжело; знойный песокъ, поднимаемый вѣтромъ, билъ солдатамъ въ лицо и засыпалъ глаза. Въ воздухѣ жгло, какъ огнемъ; губы трескались, во рту страшно сохло, а на бивуакахъ колодцы были или съ тухлою водою или преднамѣренно засыпаны неприятелемъ. Къ тому же съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ переходомъ отрядъ не досчитывался верблюдовъ десятками. Эти животныя, изнуренныя безкормицею, страдая отъ недостатка воды, издыхали по пути движенія отряда и ихъ трупы, высохшіе на знойномъ пескѣ подъ палящими лучами солнца, служили при обратномъ движеніи

отряда поверстными столбами. Оставшіяся въ живыхъ верблюды были такъ изнурены, что едва могли поднять грузъ въ десять пудовъ, поэтому съ каждымъ павшимъ верблюдомъ провіантъ уменьшался, такъ какъ выгоднѣе было бросать грузъ, чѣмъ раскладывать его на другихъ живыхъ верблюдахъ. Эти причины вызвали распоряженіе уменьшить солдатамъ дневную дачу сухарей до одного фунта на человѣка, тогда какъ прежде полагалось по 3 фунта на каждаго, а впоследствии, къ концу похода, выдавалось ужъ по полфунту въ день. при этомъ надо замѣтить, что большая часть сухарей была испорчена и съ червями. Ближе подвигаясь къ Хивѣ, отрядъ стали беспокоить частыми набѣгами туркмены, подвластные Хивѣ.*

Кавказскія войска двинулись одновременно изъ двухъ пунктовъ — изъ Красноводска (въ 800 в. отъ Хивы, на берегахъ Каспійскаго моря) и Мангшлага (въ 814 вер. отъ Хивы). Первый изъ этихъ отрядовъ былъ подъ начальствомъ полковника Марокозова; вслѣдствіе не вполне удачно выбраннаго пути, красноводскій отрядъ очутился въ совершенно безводной степи и на его долю пришлось вынести страшныя мученія отъ жары и жажды. Зной былъ такъ силенъ, что двигаться впередъ не было никакой возможности, верблюды гибли сотнями; часовымъ, стоявшимъ днемъ на часахъ, грозилъ неминуемый солнечный ударъ; наконецъ, жаръ и мученія жажды дошли до крайнихъ предѣловъ: солдаты перестали слушаться своихъ начальниковъ, бросали ружья, снимали съ себя одежду и

вырывали въ песокъ ямы, чтобы хоть сколько-нибудь укрыться отъ нестерпимо жгучихъ солнечныхъ лучей. При этомъ голое тѣло несчастныхъ сильно обжигалось солнцемъ, и къ мученіямъ отъ жажды и зноя еще присоединялись невыразимыя муки отъ страшныхъ ожоговъ всего тѣла. Къ довершенію всего, солдаты стѣшно были обезсилены продолжительными голодовками: отъ невыносимо сильнаго жара appetite у всѣхъ совсѣмъ пропалъ, большинство солдатъ по 2—3 дня даже совершенно не дотрогивались до пищи, при этомъ у нихъ открылся повальный кровавый поносъ.

Полковникъ Марокозовъ при всѣхъ этихъ ужасающихъ мученіяхъ не могъ продолжать походъ далѣе и вернулся обратно, не дойдя до конечной цѣли, до Хивы. Второй отрядъ, мангишлакскій, снаряженный наскоро, когда ужъ надежда на Марокозова пропала, оказался счастливецъ. Этотъ отрядъ выступилъ въ походъ отъ береговъ Каспія 10-го апрѣля и, несмотря на страшныя трудности, достигъ хивинскихъ предѣловъ въ началѣ мая и соединился съ оренбуржцами. Самый длинный путь выпалъ оренбургскому отряду, которому пришлось пройти всего около 1400 верстъ. Войска выступили изъ Оренбурга подъ начальствомъ генерала Веревкина въ февраль мѣсяцъ, и совершили первую половину похода въ зимнее время, потомъ шли по безводнымъ и бесплоднымъ пустынямъ Усть-Урта при 40 градусной жарѣ; 10-го мая оренбуржцы соединились съ кавказскими войсками и сообща продолжали дальнѣйшее движеніе къ г. Хивѣ по берегу Аму-дарьи.

Такимъ образомъ русскія войска почти одновременно и съ запада и съ востока подошли къ Хивѣ. Слава взятія столицы ханства выпала, однако, на долю оренбургско-кавказскаго отряда. 27 мая эти два отряда подошли къ самой Хивѣ. Такъ какъ о туркестанскомъ отрядѣ не было никакихъ свѣдѣній, а непріятель постоянно тревожилъ нападеніями и безъ того утомленныя наши войска, то генераль Веревкинъ рѣшилъ овладѣть городомъ. На другой день (28 мая) въ полдень начался приступъ. Послѣ ожесточеннаго боя, къ вечеру были заняты всѣ передовыя укрѣпленія непріятели и взяты его орудія. Къ ночи наступленіе было остановлено въ виду полученнаго извѣстія о приближеніи къ Хивѣ ташкентскаго отряда генерала Кауфмана. На зарѣ, 29 мая, хивинцы возобновили стрѣльбу по нашимъ войскамъ. Генераль Веревкинъ, не дождавшись прибытія туркестанскаго отряда, бывшаго въ 15 верстахъ отъ города, отдалъ своимъ войскамъ приказаніе пробить одни изъ городскихъ воротъ. Приказаніе было блистательно выполнено и русскіе ворвались въ городъ. Непріятель не выдержалъ дружнаго натиска и удара въ штыки и бѣжалъ по разнымъ направленіямъ. Къ 9 часамъ утра городъ былъ взятъ. Вскорѣ подошелъ туркестанскій отрядъ и тогда состоялось торжественное вступленіе въ городъ русскихъ войскъ подъ общимъ начальствомъ генерала Кауфмана; къ нему навстрѣчу вышли хивинскіе сановники во главѣ съ дядей хана. Самъ ханъ покинулъ Хиву наканунѣ сдачи ея и бѣжалъ въ пустыню къ туркменамъ-іомудамъ. Только чрезъ два

дня по письму генерала Бауфмана хивинскій ханъ возвратился въ Хиву и подписалъ мирный договоръ между Россіей и его старою, при чемъ обязался освободить всѣхъ рабовъ, которые находились въ данную минуту въ его владѣніяхъ. Для повсемѣстнаго обнародованія этого обязательства ханъ разослалъ слѣдующій манифестъ: «Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Багадуръ-ханъ, въ знакъ глубокаго уваженія къ русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому»... Итакъ, Хива была окончательно усмирена, русскіе войска проникли, наконецъ, въ это доселѣ неприступное, разбойничье гнѣздо и не только выручили русскихъ плѣнныхъ но и освободили еще 40,000 персіанъ-невольниковъ.

Такъ благополучно окончился этотъ послѣдній хивинскій походъ, который справедливо считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и труднѣйшихъ походовъ, извѣстныхъ въ военной исторіи.

Черезъ два года послѣ взятія Хивы въ Коканѣ вспыхнуло новое возстаніе противъ русскаго владычества. Мятежники объявили войну за вѣру и отказались повиноваться Худояръ-хану, покорному Россіи; напали на проживавшихъ въ Коканѣ русскихъ, убили многихъ солдатъ и, наконецъ, вторглись въ русскіе предѣлы. Худояръ-ханъ бѣжалъ

отъ своихъ мятежныхъ подданныхъ къ русскимъ. Наши войска подъ начальствомъ генерала Кауфмана одержали надъ коканцами полную побѣду, послѣ которой все Коканское ханство въ 1876 г. было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области. Такимъ образомъ безпокойныя азіатскія ханства—Коканъ, Хива и Бухара были усмирены, оставались непокоренными лишь воинственные туркмены. Продолжавшіеся набѣги и грабежи закаспійскихъ туркменъ заставили русское правительство снарядить противъ нихъ войско подъ начальствомъ генерала Скобелева (въ 1880 г.). Туркмены сосредоточили всѣ свои силы среди Ахаль-Текинскаго оазиса (въ 367 верстахъ отъ Каспійскаго моря) и построили тамъ сильную и неприступную крѣпость Геокъ-тепе. Для обезпеченія нуждъ отряда взяты были огромные запасы съѣстныхъ припасовъ и даже начато проложеніе желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива въ степи для подвоза войскъ. Скоро была взята одна очень важная туркменская крѣпость, между Красноводскомъ (на Каспійѣ) и Геокъ-тепе. Отсюда пролегла дорога на Асхабадъ и Мервъ—два славнѣйшіе города закаспійскихъ оазисовъ, и въ 120 верстахъ отъ этой дороги находилась и самая Геокъ-тепе.

Мѣстность, которую занимала эта крѣпость, была прекрасно орошена и покрыта садами. Каждое кочевье туркменовъ было окружено отлично воздѣланными полями. Туркмены, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, укрылись за стѣнами Геокъ-тепе и готовы были отстаивать крѣпость и

оружіемъ родныя степи. Крѣпость, какъ большой муравейникъ, кишмя кишѣла народомъ. Лихіе туркменскіе наѣзники то и дѣло швыряли въ окрестностяхъ, слѣдили за каждымъ движеніемъ русскихъ и тревожили ихъ безпрестанными нападеніями. Однако, несмотря на всѣ препятствія и упорное сопротивленіе непріятели, генераль Скобелевъ взялъ нѣсколько укрѣпленій въ окрестностяхъ Геокъ-тепе и осадилъ послѣднюю. Туркмены дрались отчаянно, и день, и ночь тревожили наши войска нападеніями. Наконецъ, удалось подвести подкопъ подъ самыя стѣны Геокъ-тепе и взорвать часть ихъ; въ образовавшійся проломъ русскіе пошли на приступъ. Послѣ долгаго и упornaго сопротивленія непріятели, въ нѣсколько разъ превосходившаго по численности наше войско, неприступная и послѣдняя твердыня туркменовъ пала. Неприсятедь, оставивъ дѣтей, стариковъ и имущество на произволь судьбы, обратился въ бѣгство по степи. Генераль Скобелевъ, по взятіи крѣпости, успокоилъ оставшееся въ живыхъ населеніе тѣмъ, что обѣщаль пощаду и полную безопасность всѣмъ, кто уцѣлѣлъ, и тѣмъ, кто вернется и добровольно изъяснитъ свою покорность. Черезъ нѣсколько дней прибыли къ Скобелеву старшины наиболѣе вліятельныхъ и знатныхъ туркменскихъ родовъ съ изъясненіемъ полной покорности Бѣлому Царю *), которому тутъ же и принесли присягу на вѣрность. Изъ присоединенныхъ туркмен-

*) Такъ всѣ среднеазиатскіе народы называютъ русскаго Государя.

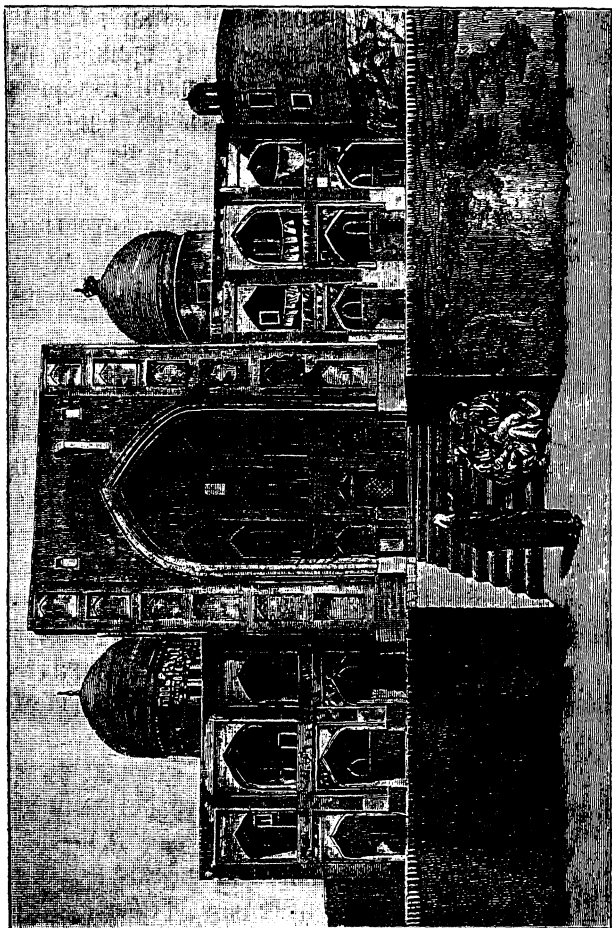
скихъ земель была образована *закаспійская область*.

Въ 1884 г. туркмены Мервскаго оазиса (250,000 душъ) добровольно выразили желаніе принять русское подданство и присягнули въ вѣчной покорности русскому Государю. Съ переходомъ въ наше владѣніе этого плодороднаго оазиса въ нашихъ рукахъ оказался и главный городъ его — старинный и процвѣтавшій въ древности Мервъ, который въ настоящее время является сосредоточіемъ дорогъ: въ Хиву, Бухару, Красноводскъ, Асхабадъ, Персію и Афганистанъ.

Замиреніе Средней Азіи кончилось; мятежныя ханства и буйные туркмены окончательно усмирены, и развитію въ странѣ русской торговли и промышленности съ этого времени предоставленъ широкій просторъ.

Въ настоящее время вся Средняя Азія, какъ было выше упомянуто, состоитъ изъ Хивы, Бухары и четырехъ областей: Закаспійской на югѣ, Сырь-дарьинской на сѣверѣ, Ферганской на западѣ и Самаркандской—между Фергадой, Сырь-дарьинской областью и Бухарою. Каждую изъ этихъ областей управляетъ военный губернаторъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и командующій мѣстными областными войсками. Всѣ остальные власти въ областяхъ—военные; мѣстное народонаселеніе распределено на волости; каждую волостью управляетъ выборный «волостной» (по туземному «аксакаль»). Волостные каждого округа подчиняются *военному приставу*,

живущему въ какомъ-либо городѣ или большомъ селеніи. Военные пристава каждой области подчи-

Главное училище въ Бухарѣ.

нены такъ называемому „Областному Управленію“, во главѣ котораго стоитъ областной (военный)

губернаторъ и прочія мѣстныя власти. Всѣ областныя военныя губернаторы подчинены ташкентскому генераль-губернатору, который и считается главнымъ начальникомъ всей Средней Азіи. Генераль-губернаторъ облеченъ высшею властью казнить и милловать преступниковъ по своему усмотрѣнію, входить въ непосредственныя сношенія и вести переговоры со всѣми азіатскими ханствами.

Хива и Бухара до сихъ поръ сохраняютъ свое прежнее управленіе. Въ Бухарѣ живетъ особый представитель Россіи, называемый „*русскимъ политическимъ агентомъ*“, — на немъ лежитъ обязанность посредника между Россією и Бухарскимъ ханствомъ при всѣхъ ихъ сношеніяхъ между собою. Какъ хивинскій ханъ, такъ и эмиръ бухарскій въ настоящее время считаются самыми вѣрными и искренними друзьями Россіи и стараются перенять отъ русскихъ многое полезное и ввести это въ своихъ владѣніяхъ; отдаютъ даже своихъ дѣтей воспитывать въ Россію въ различныя учебныя заведенія.

Съ установленіемъ дружественныхъ отношеній съ мѣстными ханами и съ полнымъ замиреніемъ завоеваннаго края, нужно было многое устраивать въ немъ на русскій ладъ; надо было на чужбинѣ обзаводиться всѣмъ, къ чему привыкли у себя на родинѣ. И вотъ подлѣ большихъ старинныхъ азіатскихъ городовъ: Ташкента, Кокана, Самарканда и проч., возникли русскіе города съ тѣми же названіями, но только къ каждому изъ нихъ прибавлено слово «русскій», такъ есть «русскій Самаркандъ»,

«русскій Ташкентъ» и друг. Всѣ эти русскіе города построены по-европейски, съ правильно разбитыми улицами, прекрасными городскими садами, магазинами, различными школами, храмами и т. д. Они совершенно не похожи на наши города и далеко оставляютъ ихъ за собою по красотѣ и благоустройству. Широкія улицы, вымощенныя камнемъ, обсажены со всѣхъ сторонъ испанскими тополями и платанами, у подножія которыхъ прорыты арыки съ водою. Всюду чистота и порядокъ образцовые. Иностранцы, которые посѣщали такіе русскіе города въ Средней Азій, въ восторгѣ отъ нихъ и не могутъ нахвалиться ихъ прекраснымъ видомъ, внутреннею опрятностью и порядкомъ. Бокъ-о-бокъ съ этими русскими городами находятся туземные города. вмѣсто нашихъ каменныхъ и деревянныхъ городскихъ построекъ здѣсь глинобитные дома безъ оконъ и съ плоскими крышами; улицы кривыя, узкія; всюду почти царитъ мертвая тишина; людей почти не видно. Жизнь и движеніе сосредоточены только въ центрахъ городовъ—на базарахъ. Базары есть въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ туземномъ городѣ. Это тѣ же улицы, что и всѣ остальные, такія же узкія и извилистыя, при чемъ съ каждой стороны ихъ на другую переброшены плотныя тростниковыя крыши для защиты отъ солнечнаго зноя. Съ обѣихъ сторонъ длинныя, безконечныя ряды темныхъ лавокъ со всякими товарами: русскіе ситцы яркихъ цвѣтовъ, нарочно для Азій приготовляемые, мѣстныя шелковыя матеріи для халатовъ, кисея для чалмъ, готовое платье, фар-

форовые чашки и чайники китайскаго, индійскаго и русскаго производства, мѣдные кувшины, подносы и другія издѣлія такъ и нестрѣютъ предъ глазами. Изо дня въ день среди такихъ базаровъ сутолка и суетня невообразимыя: плотная, постоянно движущаяся масса народа въ разноцвѣтныхъ халатахъ и чалмахъ наводняетъ всѣ тѣсныя улицы и извилистые переулки базаровъ. На средне-азіатскихъ рынкахъ вся жизнь туземца. Онъ проводитъ здѣсь время съ утра до вечера, и большинство горожанъ идетъ сюда не для какого-либо дѣла, а просто потому, что имъ не сидится дома, что они любятъ многолюдство. Для средне-азіатскаго жителя не существуетъ ни семьи, ни дома, ни мирныхъ домашнихъ радостей: онъ дома только временный гость, въ него онъ приходитъ лишь почевать. Весь же день съ утра до наступленія ночи горожанинъ проводитъ здѣсь, въ этихъ людныхъ центрахъ. Во многихъ мѣстахъ, подлѣ этихъ шумныхъ улицъ-базаровъ ряды громадныхъ деревьевъ осѣняютъ края каналовъ и водоемовъ; здѣсь также сидятъ толпы празднаго люда, слушая какого-либо рассказчика, или, просто, мирно бесѣдуютъ за чаемъ. Безъ чая немислимъ ни одинъ средне-азіатскій базаръ, и чайныя лавки туземныхъ рынковъ являются мѣстомъ сбора людей всѣхъ сословій и племенъ. Въ уличномъ чайномъ обществѣ туземецъ можетъ проболтать нѣсколько часовъ, такъ какъ разговоромъ онъ не утомляется, а безконечное чаепитіе ему никогда не можетъ надоесть. Всякій разъ, когда выпивается чайникъ, всему обществу подаются вываренные въ

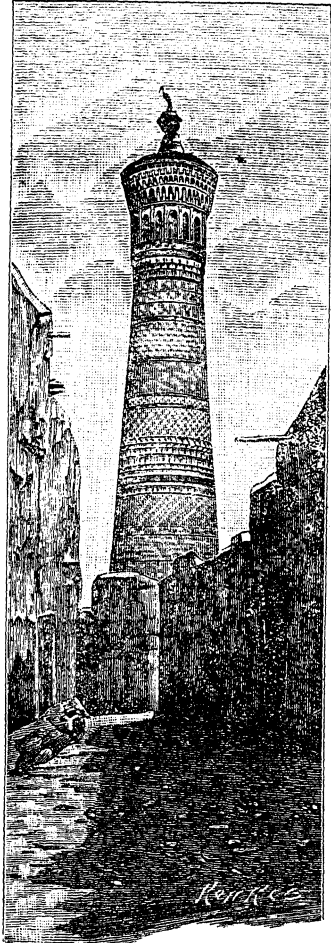
немъ чайные листья, и каждый беретъ ихъ, сколько можетъ захватить двумя пальцами. Для настоящихъ чаепійцевъ это составляетъ высшее лакомство.

Кромѣ русскихъ городовъ, въ краѣ есть нѣсколько и русскихъ селеній; первыми новоселами въ нихъ были отставные нижніе чины туркестанскихъ войскъ, пожелавшіе остаться въ завоеванномъ краѣ съ своими семействами. Въ настоящее время, вслѣдствіе усиливающагося наплыва русскихъ поселенцевъ, число русскихъ поселеній въ Средней Азійи съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, такъ что въ окрестностяхъ только одного Ташкента возникло болѣе 20 новыхъ русскихъ селеній. Кромѣ того, въ 6 вер. отъ Ташкента въ 1893 г. открытъ первый православный (женскій) монастырь. По соглашенію съ бухарскимъ правительствомъ и въ Бухарѣ возникли также во многихъ мѣстахъ русскія мѣстечки или *колоніи*, какъ наприм.: «Новая Бухара», «Чарджуй», обѣ при станціяхъ того же имени Закаспійской желѣзной дороги, Керки, Патта-Хиссаръ и Сарай на Аму-дарьѣ, на границахъ съ Афганистаномъ. Между Сараемъ и Петро-Александровскимъ *), чрезъ Чарджуй, Керки и Патта-Хиссаромъ установлено, такъ же, какъ и на р. Сырѣ, правильное пароходство. При чемъ пароходы на случай войны съ Афганистаномъ вооружены пушками, матросы же—солдаты. Эти военные пароходы перевозятъ и пассажировъ, и различные грузы.

Вмѣстѣ съ шумомъ пароходовъ въ средне-азіат-

*) Военный фортъ при устьяхъ Аму, въ 60 верст. отъ Хивы.

скихъ равнинахъ раздались и свистки паровозовъ Закаспійской желѣзной дороги. Эта дорога была пачата постройкою вскорѣ послѣ завоеванія Хивы (въ 1880 г.), и ея проведение представляло немомѣрныя затрудненія: на каждомъ шагу приходилось считаться съ природою. Однако ни летучіе пески пустынь, заносившіе желѣзнодорожное полотно, ни страшные жары, убивавшіе рабочихъ, ни недостатокъ воды, ничто не могло остановить ея строителей и помѣшать ея постройкѣ: въ очень короткій срокъ, чрезъ три года—дорога, протяженіемъ въ 1.344 версты, была окончена. Ея конечные пункты: Красповодскъ на Каспійскомъ морѣ и Самаркандъ; Закаспійская желѣзная дорога прошла чрезъ Асхабадъ (главный городъ Закаспійской области), Мервъ, Чарджуй и Бухару (въ 15 верст. отъ

Минареть Мира-Арабъ (откуда сбрасывали преступниковъ).

желѣзной дороги). Въ настоящее время Закаспійская дорога соединилась съ желѣзною дорогою между Самаркандомъ и Ташкентомъ, и весь желѣзнодорожный путь отъ Красноводска до Ташкента называется «Средне-азіатскою желѣзною дорогою». Проведеніе желѣзной дороги въ Средней Азіи представляетъ громадное значеніе для этой страны: она соединила Европу съ Центральною Азіею, усилила туда ввозъ русскихъ товаровъ и обезпечила сбытъ туземныхъ произведеній въ Россію. Съ устройствомъ этой дороги въ Средней Азіи жизнь, что называется, закипѣла: открылись во многихъ мѣстахъ различныя фабрики и заводы, развилась промышленность, и увеличилось въ странѣ число русскаго люда. Естественныя богатства Средней Азіи, прежде не обрабатываемыя, теперь начинаютъ понемногу дѣлаться достояніемъ чело-вѣка. Въ настоящее время, напримѣръ, русскіе обратили вниманіе на изобиліе фруктовъ и винограда въ странѣ и стали выдѣлывать фруктовое вино, фруктовый уксусъ и виноградныя вина. Мѣстные вина прекраснаго приготовленія и совершенно вытѣснили изъ употребленія привозныя. Всѣ мѣстные сорта винъ расходятся ежегодно десятками тысячъ ведеръ какъ въ краѣ, такъ и за предѣлами его. Во многихъ мѣстахъ возникли также винокуренныя и пивоваренныя заводы. Двѣ главныя статьи исконной средне-азіатской промышленности—шелководство и хлопководство, также съ каждымъ годомъ все больше увеличиваются и улучшаются: заводятся машины для размотки шелка, особые ткацкіе станки, строятся зданія для разведенія шелковичныхъ чер-

вей. И, благодаря этому, средне-азиатскій шелкъ, который, по отзывамъ знатоковъ, лучше италіанскаго и французскаго, ежегодно вывозится изъ Средней Азіи въ сыромъ и обработаномъ видѣ въ большомъ количествѣ въ Россію, Персію, Индію и Афганистанъ.

Средне-азиатскій хлопчатникъ съ каждымъ годомъ приобретаетъ все большую цѣнность; правда, для этого потребовалось не мало условій и, главнымъ образомъ, улучшеніе способовъ воздѣлыванія хлопка. Въ настоящее время добывается хлопокъ лучше индійскаго, персидскаго и египетскаго; многіе считаютъ даже средне азиатскій хлопокъ не уступающимъ извѣстному американскому. Хлопководство съ каждымъ годомъ все больше и больше распространяется въ Средней Азіи; нѣкоторые туземцы, прежде никогда не заѣвавшіе хлопокъ, начинаютъ разводить хлопчатникъ, видя, какіе барыши приносятъ это дѣло. Даже нѣкоторые кочевые туркмены, поощряемые русскимъ правительствомъ, занялись этимъ и начинаютъ мало-по-малу отвыкать отъ скитальческой жизни кочевника. Съ введеніемъ европейскаго способа обработки хлопка и съ распространѣніемъ хлопководства спросъ на хлопокъ годъ отъ году увеличивается. Въ 1860 г., не задолго до завоеванія русскими края, было вывезено хлопка въ Россію изъ Средней Азіи на 75.000 руб., въ настоящее же время изъ одной только Бухары въ Россію отправляютъ ежегодно болѣе милліона пудовъ хлопка на сумму болѣе милліона рублей,

не говоря ужъ о Хивѣ и Закаспійской области, этихъ главныхъ центрахъ хлопчатника!

Такимъ образомъ, съ водвореніемъ русскаго владычества въ Средней Азійи многое въ ней измѣнилось къ лучшему. Старые порядки или, вѣрнѣе, беспорядки, своеволие и раздоры, замѣнились тихою, спокойною жизнью. Не осталось ужъ и слѣда прежней ненависти азіатовъ къ русскимъ, и туземное населеніе мирно соперничаетъ съ русскими въ ремеслахъ и различныхъ видахъ промышленности, сознавая огромную пользу отъ русскихъ нововведеній, перенимаетъ многое полезное изъ нихъ и примѣняетъ къ своей жизни и къ своимъ потребностямъ.
